

МИРА ЛЕРМАН
БРОНЗОВЫЕ
ЗЕМЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мира Лерман

Бронзовые земли

Серия «Сотворенные земли», книга 1

<https://litres.ru/73599929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждые десять лет над Равенстом повисает тишина. В ней слышен только звон медных монет — плата за девушку, уходящую за Бронзовую грядку.

Лирия идёт туда добровольно. Её семья в долгах, дом вот-вот отойдёт чужому роду, а старшая сестра уже не может тащить на себе всё одна. Выбора нет.

За Грядой её встречают: королева Бронзовых земель, чья власть держится на древнем проклятии; её брат Мелантир — красивый, опасный, с янтарными глазами и улыбкой, за которой скрывается ложь; и трое чужаков, которые однажды появятся из темноты, чтобы предложить ей побег.

Но правда страшнее, чем Лирия могла представить. Девушек забирают не для службы. А когда она наконец узнаёт зачем, возвращаться уже поздно.

Пока она идёт в неизвестность, кто-то уже идёт за ней следом. Потому что сёстры не бросают друг друга.

Содержание

Часть 1. Глава 1.	4
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	61
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	106
Глава 9	117
Глава 10	134
Глава 11	150
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Мира Лерман

Бронзовые земли

Часть 1. Глава 1.

Священный праздник Рахма — время поклонения пресным рекам и богу вод Ньяду. Предания гласят, что именно Ньяду даровал первую бессмертную жизнь в Калуе — Водную деву, которая за века своего существования установила хрупкий мир между людьми и обитателями Бронзовой гряды. Тех, кого мы, смертные, именуем истинно-бессмертными и ложно-бессмертными.

Рахма также считается днём покровительства Водной девы царству смертных, оттого этот день почитаем всеми и отмечается в зелено-голубых тонах — в знак глубины речных вод Калуе, и в ярко-оранжевых — цвета огня, который ярк, как человеческая жизнь, и век которого столь скоротечен.

Празднование приходится на канун первого дня лета. Если на Рахму идёт дождь — это благословение Ньяду; впрочем, не зафиксировано ни одного задокументированного случая, когда

солнечная погода в Рахму считалась бы
неблагословением.

*<i>«Писание первых». Сорок вторая
исследовательская </i> <i>гильдия историков
Калуе.</i>*

Слушать на ночь страшные истории — очень плохая идея. Особенно если эти истории рассказывает Аня — дочь наших арендодателей, у которой воображения больше, чем здравого смысла.

Я проснулась от того, что кто-то сильно сжал мою лодыжку, а потом отпустил, оставив саднящую кожу.

— Ты кричала, — сухо констатировала Элеонор.

Я моргнула, прогоняя остатки кошмара. Там, во сне, было слишком много крыльев, рогов и зубов — всё из тех страшилок, которыми Аня потчевала меня вчера перед сном. *Во сне крылья, рога и зубы смыкались надо мной в ледяной темноте. Даже сейчас, на жёстком соломенном матрасе, я чувствовала этот холод под рёбрами.*

— А просто разбудить ты не подумала? — буркнула я, потёрла голень. — Сразу щипки.

— Я звала тебя трижды, — ответила Элеонор, отступая к двери. — Ты не слышала.

— Я запрещу Ане рассказывать тебе эти сказки, — добавила она, чуть мягче. — Она ничего о них не знает. Просто выдумывает на ходу, а ты ей веришь.

— Мне нравятся её выдумки, — ответила я, хватаясь за

матрас, чтобы сесть. — Они страшнее, чем реальность. Но хотя бы в них есть что-то, кроме долгов и ссор.

Элеонор не ответила. Она стояла в проёме, прямая, как лезвие ножа. Тёмные волосы уже были заплетены в тугую косу, повязка на лбу взмокла — она встала давно. Наверное, ещё до рассвета, чтобы не встречаться с матерью на кухне.

Я села на кровати, скинула оленью шкуру, которая служила мне одеялом уже третью зиму. Она стала короткой — мои ступни торчали наружу, и сестра этим воспользовалась.

— Мама уже проснулась? — спросила я, хотя ответ знала.

В доме было тихо. Слишком тихо для утра, когда одна из нас уезжает навсегда.

— Иди и разбуди, — отрезала *Элеонор*. — Мне нужно проверить, не захватила ли она свои безделушки. Их ещё можно продать.

— Конечно. Как скажешь.

Элеонор развернулась, полы потёртого платья взметнулись, и дверь закрылась раньше, чем я пробормотала «*И тебе доброго утра, дорогая*».

Она не слышала. Или сделала вид.

Я сидела на кровати и смотрела на дверь. В груди было пусто — будто кто-то выскреб ложкой всё живое, оставив только тонкий, болезненный слой

«*Мать уезжает сегодня*», — напредила я себе.

Я знала это. Знала уже три дня. Но только сейчас, в этом сером, предрассветном свете, который едва пробивал-

ся сквозь затянутое паутиной окно, это стало по-настоящему реальным.

Хотела ли я её отъезда? *Не знаю*. Но я не хотела, чтобы она оставалась — такой, как сейчас. Вечно недовольной. Обиженной.

Я вздохнула, заставила себя встать. Пол был холодным, и босые ноги сразу заныли.

Сегодня она уезжает и останемся только мы.

Платье и корсет я завязала сама — этот навык у меня был с пятнадцати лет, когда отец уволил последнюю служанку. Тогда *Элеонор* только вернулась домой, и просить её о помощи казалось мне неуместным. Она и так смотрела на меня, будто я была единственным, ради чего ещё стоило дышать.

Я не хотела её подводить.

Волосы заплела в косу, как у сестры. Повязала повязку, чтобы не мешались. Сунула ноги в полуразваленные сапоги, которые скрипели при каждом шаге.

Мать была в своей комнате. Я знала, что *Элеонор* меня не дожждётся — она уже, наверное, спустилась вниз, чтобы в последний раз пересмотреть мамины вещи, выторговать лишнюю монету у старьёвщика, сделать хоть что-то полезное.

Чтобы не думать о том, что мать уезжает.

Я пошла по коридору, стараясь ступать тихо. Где-то внизу звякнула посуда — *Элеонор* гремела кастрюлями, вымещая злость на ни в чём не повинной посуде.

Дойдя до комнаты, я обнаружила, что мать уже была на

ногах. Она уже стояла посредине, полностью одетая, и смотрела на огромный сундук, набитый барахлом, с таким видом, будто он был её единственным другом.

— О, *Лири*, хорошо, что ты уже здесь, — сказала она, хватаясь за ручку сундука. — Помоги мне. Они скоро будут.

— Да, знаю, — ответила я, подходя с другой стороны.

Сундук был тяжёлым. Не чудовищно, но достаточно, чтобы мать кряхтела, таща его к двери. Я налегла — и мы сдвинули его с места. Медленно, шаг за шагом.

— Разве тётя *Элени* не поможет тебе с вещами? — спросила я, когда мы остановились перевести дух. — Мне казалось, у неё достаточно средств.

Мать пожала плечами — жест чужой, потерянный, будто она сама не понимала, зачем ей этот сундук.

— Я не хочу напрягать твою тётю. Она и так любезна, согласилась взять меня к себе

— Дело не в любезности, мама, — сказала я тихо. — Ты прекрасно это знаешь.

Значит, она не ждала от тётки ничего, кроме крыши над головой. Как и от нас.

Между нами повисло молчание — тяжёлое и липкое, как смола. Мы дотащили сундук до лестницы. Дальше — только вдвоём, потому что *Элеонор* даже не поднялась.

Сестра делала вид, что её не касается, что мать для неё — чужая. Может, так оно и было. После всего, что мать сказала — и не сказала — тогда, четыре года назад, *Элеонор* имела

право на эту холодность. Я не винила её.

Мы спустились в прихожую. Я взмокла, мать тяжело дышала, прижимая руку к груди. *Элеонор* стояла в углу, забирая деньги у старьёвщика за старые безделушки. Её пальцы были красными от усердного трения — она всегда драила пол, будто от этого зависела её жизнь.

— *Наконец-то,* — бросила *Элеонор*, не поднимая головы.

Старьёвщик поклонился и ушёл. Мать вышла на кухню, но через минуту вернулась — недоумённая

— Аня сказала, во дворе уже стоит повозка, — обратилась мать к ней, с укоризной. — Ты не пошла их встретить!

— Я занята, — ответила сестра, невозмутимо пересчитывая монеты. Железьяки скользили между её пальцами с тихим, сухим звоном — единственным звуком, который она соизволила нам подарить. Она бросила быстрый взгляд в нашу сторону — колючий, быстрый, как укол булавкой. — Не слишком ли большой сундук? — холодно спросила она, кивнув на массивный ящик. — Ты могла бы оставить что-то здесь.

— Ты уже продала кучу моих вещей, — мать сжала губы так, что они побелели. — Этого тебе мало?

Элеонор на секунду отвела взгляд от монет. В её синих глазах — холодных, как зимняя вода подо льдом — мелькнуло что-то, похожее на боль. Всего на мгновение. А потом она снова стала каменной.

— Это малое, что я могла сделать для семьи.

— Конечно. Всё, что ты могла, ты уже сделала, — бросила мать, и в голосе её прозвучала такая горечь и обида, что у меня свело живот.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как мокрая шерсть. *Элеонор* едва заметно вздрогнула — я видела, как дрогнули её плечи, но она не обернулась. Вместо этого она снова наклонилась к полу и принялась тереть его с такой яростью, будто это пятно было личным оскорблением, а чистота — единственным, что она ещё могла контролировать в этой жизни.

— Пойдём. Наши гости, наверняка, уже заждались завтрака, — вставила я, пытаюсь перевести разговор с мёртвой точки. Слова прозвучали жалко и тонко, как нитка, которую вот-вот перетрут.

— Ты им не служанка, чтобы готовить, — мать расправила плечи, и этот жест — гордый, почти вызывающий — напомнил мне, какой она была когда-то: красивой, статной, уверенной в себе. До того, как жизнь выдрала из неё все эти ключья достоинства.

— Нет, не служанка, — тихо ответила я, чувствуя, как напряжение в комнате становится почти осязаемым — густым, как старая патока, которая засахарилась и теперь царапает горло. — Мы просто гостеприимные хозяева. Но сначала я помогу донести сундук.

— Нет. Попроси кучера. Нечего тебе надрываться.

Я кивнула, с облегчением выскользывая из комнаты, где

воздух, казалось, застыл, пропитанный многолетними обидами. Тяжесть стояла такая, что хотелось выбежать на улицу, вдохнуть полной грудью — пусть даже ветер будет холодным и колючим.

Мне нужно было выбраться отсюда. Глотнуть свежего утреннего воздуха, который хоть немного рассеет эту давящую тяжесть.

Кучер ждал у кареты — старой, но ещё крепкой, с лакированными боками, на которых играли солнечные блики. Повозка стояла у самой садовой лужайки, где трава уже начала желтеть, сворачиваясь в сухие трубочки.

Тётя *Элени* даже не вышла. Её силуэт угадывался за занавеской — неподвижный, отстранённый, чужой. Впрочем, я её и не винила. Мы были для неё почти незнакомками, а моя мать — обузой, которую богатая родня согласилась взять из чувства долга, а не любви.

То, что она вообще согласилась принять её, чтобы снять с нас бремя лишних расходов, было для меня величайшей загадкой и благословением одновременно. Может, в ней ещё оставалось что-то человеческое. Может, она просто хотела поскорее отделаться.

Кучер оказался высоким, но жилистым — руки в верёвках вен, лицо обветренное, продутое всеми ветрами. Я решила, что он вполне способен донести сундук сам, о чём и сообщила ему, пропуская в ворота.

— Конечно, *госпожа*, — ответил он с лёгким поклоном.

Его сапоги оставляли на мокрой от росы траве тёмные влажные следы.

— Я не *госпожа*, — отрезала я.

В его глазах мелькнуло замешательство — он явно не привык, чтобы с ним говорили так, особенно в этом доме, где от прежнего величия осталась только память. Но он покорно кивнул и прошёл внутрь.

Я видела, как он взвалил сундук на плечо с такой лёгкостью, будто тот был набит пухом. И вспомнила, каким неподъёмным он казался мне, когда мы с матерью тащили его вдвоём. Мои руки до сих пор помнили ту тяжесть — она пульсировала в мышцах, как невысказанная обида.

Мама вышла на крыльцо, накинув дорожный плащ. Тёмно-синий, выцветший на плечах — там, где солнце выедало краску год за годом, пока мы жили в этом доме, теряя всё, кроме стен.

Она выглядела уставшей. И какой-то отрешённой. Словно её мысли были уже далеко, в степи, где воздух пах иначе и где никто не напоминал ей о том, кем она была раньше.

— Мама, ты пропустишь завтрак? — спросила я.

— Я взяла провизию с собой, — она отвела взгляд. — Вяленое мясо, хлеб.

Я заметила, как недовольно дёрнулась тень на лице *Элеонор*, вышедшей следом. Вяленое мясо было частью нашей общей провизии — той самой, которую мы считали по кускам, когда денег не хватало даже на хлеб.

Её пальцы, истёртые о пол, сжались в кулаки. Я видела, как побелели костяшки.

— Нам надо идти, — бросила *Элеонор* матери, даже не взглянув на неё. — На рыбный рынок.

— Хотя бы подожди, пока я уйду, — процедила мать.

— Конечно. Жду, — сквозь зубы ответила *Элеонор* и даже не мигнула. Её спина была напряжена, как струна, готовая лопнуть от любого неосторожного прикосновения.

Я перевела взгляд с одной на другую. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Или хотя бы оказаться где-нибудь далеко, где эти голоса — один ледяной, другой горестный — не режут слух своей вечной, застарелой злобой.

Воздух между ними был плотным, почти осязаемым, как дым от сырых дров. Я чувствовала, как он оседает на коже, липкий и горький.

Мама шагнула ко мне, и я увидела, как дрогнула её губа — тонкая, бледная, почти прозрачная на утреннем свете.

Она обняла меня. Крепко, почти больно — так, как не обнимала уже много лет. Её руки пахли дорогой и пылью, и чем-то ещё, чем пахнут вещи, которые слишком долго ждали, когда их упакуют и увезут.

— Я не хотела вас задерживать, — прошептала она, убирая выбившуюся прядь с моего лица. Её пальцы были шершавыми, но тёплыми, и этот контраст — тепло и шершавость — почему-то ударил сильнее, чем любая ласка. — Берегите себя. Если возникнут сложности, напишите тёте Элене. Я

тоже буду писать. Постараюсь помочь, чем смогу.

Её ладони прижались к моим щекам, задержались на мгновение. Я чувствовала каждую трещинку на её коже.

Затем она перевела взгляд на старшую дочь, которая стояла в дверях, скрестив руки на груди. Её лицо было непроницаемым, но я видела, как напряжены её плечи, как побелели костяшки пальцев.

Мама сделала шаг к ней. Один. Второй. Протянула руку — ту самую, которая ещё минуту назад лежала на моей щеке.

Но в последний момент отдернула, будто наткнулась на невидимую стену. Стеклянную, холодную, такую же, как взгляд *Элеонор*.

— Будь добра, — глухо сказала она. — Заботься о сестре. Это твой долг.

Я вспомнила другую картину: юная *Элеонор*, только что возвращённая приказчиком домой после того, как зачитали условия брачного договора, что она нарушила. Как она стояла в прихожей, всё ещё в дорожном платье, с потухшими глазами, и пыталась прижаться к матери. А та — смотрела сквозь неё. Отстранилась. Сказала только: «Иди в свою комнату. Потом поговорим».

— Я знаю, — коротко бросила *Элеонор*.

Никто из них не подошёл друг к другу.

Мама кашлянула, словно что-то сдавило ей горло. Моё горло тоже саднило. *Я знала, что мы можем не увидеться снова. Мать уезжала в степи тумана — три дня на лошади,*

но у нас лошади не было. Дороги опасны: звери, лихие люди.

— Прощай, мам, — выдавила я. — Я надеюсь, ты навестишь нас, как будет возможность.

Я не верила в это. Но слова нужно было сказать.

Мама кивнула, ещё раз взглянула на *Элеонор*, которая стояла, как изваяние, и быстро вышла, не оборачиваясь. Кучер посадил её в повозку, лошадь всхрапнула, и повозка, гремя колёсами по утопанной земле, тронулась с места.

Я стояла на крыльце, чувствуя, как в груди разрастается пустота. Горло саднило, но я не позволяла слезам пролиться.

— Ну вот, — прошептала я. — Теперь всё изменится.

— Надеюсь, — раздался за спиной холодный голос *Элеонор*. — Пошли. У нас много дел.

Элеонор сразу же скрылась за дверью в доме. Я же не знаю, сколько простояла так, глядя на пустую дорогу. Ветер поднимал пыль — мелкую, колючую, она оседала на губах, на ресницах, въедалась в кожу, напоминая, что мир продолжается, даже когда твой собственный рушится.

Потом я развернулась и пошла в дом, чтобы взять корзинку для провизии и пойти на рынок вместе с сестрой.

Рынок шумел, переливался красками и запахами. Здесь, в самом сердце *Равенста*, жизнь била ключом, не обращая внимания на наши личные трагедии. Я любила это место:

пряные ароматы трав, ветер с реки, мелькание лиц. Эмоции здесь всегда были громкими.

— Что ты хотела взять? — спросила я сестру, когда мы остановились у знакомого прилавка.

— Овощей, фруктов. Рыбу. На что хватит с продажи маминых безделушек, — коротко ответила *Элеонор*, разглядывая сморщенные яблоки. — Арендная плата поступит завтра.

— Она поступит, — заверила я. — У нас есть деньги на этот случай.

Сестра ничего не сказала, только крепче сжала кошель на поясе.

— Я сейчас, — я отступила от неё, заметив знакомую рыжую голову в толпе. — *Улья!*

Моя подруга, цветочница, помогавшая матери собирать лекарственные травы, обернулась. Её лицо осветилось улыбкой — широкой, искренней, такой, которая, казалось, могла прогнать любые тучи. Веснушки на её щеках были похожи на россыпь мелких монет, а глаза — зелёные, с золотыми искрами — смотрели на мир с той лёгкой насмешкой, которая всегда меня в ней завораживала.

— *Лири!* — она обхватила меня за плечи, едва не выронив корзину с сушёным тимьяном и валерьяной. Травы пахли горько и сладко одновременно — как грядущее лето. — Ты как? Я слышала, ваша мама уехала?

— Уехала, — кивнула я, стараясь, чтобы голос звучал бод-

ро. — Поэтому, если ты дашь мне зелени в долг, чтобы утешить меня, было бы замечательно — ухмыльнулась я. — все деньги у *Элеонор*.

Улья виновато поморщилась, и её веснушки съехались к переносице.

— Не в этот раз, подруга. Мать убьёт. Сами едва сводим концы с концами.

За её спиной показался *Найтан*. Копна морковно-рыжих волос, застенчивый румянец, вечно сбегаящий взгляд зелёных глаз. Он был похож на сестру — такой же яркий, веснушчатый, но в нём не было её лёгкости. И тем не менее, было в нём что-то притягательное.

Я улыбнулась ему — привычно, почти не думая. Тот лёгкий флирт, который ни к чему не обязывает, но заставляет сердце биться чуть быстрее.

— Здравствуй, *Лирия*, — тихо сказал он.

— Здравствуй, *Найтан*, — ответила я, и мой голос, кажется, прозвучал чуть мягче, чем следовало.

Но *Найтан* не поддержал игру. Он тяжело вздохнул, провёл рукой по волосам — рыжие кудри взметнулись и упали обратно, — и перевёл взгляд на пустой прилавок.

— Жаль, нам бы не помешали сейчас настоящие покупатели, — пробормотал он.

Я огляделась. Обычно многолюдная часть рынка, где торговали цветами и травами, пустовала. Здесь же были продавцы резных игрушек из костей, но и к ним никто не подхо-

дил. Даже старьёвщик, который всегда стоял в углу и зазывал прохожих скрипучим голосом, сегодня молчал, уткнувшись в свой мешок.

— До праздника ещё две недели, а народу нет, — заметила я. — Странно.

Улья переглянулась с братом. В её глазах мелькнуло что-то, от чего у меня похолодело в груди. Не страх — нет. Что-то другое. Тяжёлое, липкое, как патока, которую не смыть водой.

— Ты забыла? — тихо спросила она. — В этом году — *оброк*.

Моё сердце пропустило удар. Конечно. Как я могла забыть? Раз в десять лет. Традиция, о которой говорили шёпотом, которой боялись, как огня.

— *Оброк*, — повторила я, чувствуя, как слова обжигают губы.

— Вот именно, — кивнул *Найтан*. — Все ждут. И боятся. Боятся, что за кем-то придут. Снова.

Я сглотнула. В прошлый раз мне было девять. Я плохо помнила подробности — отец тогда ограждал нас от этого, но помнила тишину, повисшую над городом, и то, как плакала соседка, чья дочь ушла в лес за *Бронзовую грядку* и не вернулась. Таков был обычай. Плата за мир с бессмертными, установленный Водной девой. Одна девушка раз в десять лет отправлялась на службу к ложно-бессмертным в *Бронзовые земли*. По слухам, предыдущие отобранные помогали вновь

прибывшим там обустроиться, и время там длилось иначе, чем по эту сторону гряды. Но это были просто слухи, потому что уже сотни лет никто не возвращался с той стороны. Целым, по крайней мере.

— Думаете, в этом году выберут сами или будет доброволец? — спросила я, и голос мой прозвучал чуть выше обычного.

— Я бы вызвалась, — расхвасталась *Улья*, но в её тоне не было прежней лёгкости. Она смотрела куда-то в сторону, на горы, которые на горизонте казались чёрными и чужими. — Маме бы заплатили столько медных монет, сколько я вешу, и моя семья жила бы богато ещё не одно поколение.

— А учитывая, что ты не самая хрупкая девочка, — поддел её брат, сжав плечо, — это была бы очень солидная куча монет. Но всё равно — нет. Жизнь моей сестры всего дороже.

Улья фыркнула, но спорить не стала.

А я стояла и смотрела на горы.

Я согласно кивнула. Деньги семье выплачивали обычно управители города, поскольку именно они поддерживали соблюдение проведения обряда, но вот откуда к нам поступали столь драгоценные медные монеты — был большой вопрос. Кто-то склонялся к страшным мыслям: фэйри из-за гряды оставляли плату за девушку в наших лесах, но никто и никогда этого не видел. Вся традиция была покрыта мраком.

А ты бы пошла? — спросила я себя. И не нашла ответа.

— Ты бы мог тогда сам пойти и стать полезным семье, — с ухмылкой бросила *Улья*, что говорило о её подтрунивании над братом.

— Отбирают только девушек, — прошептал *Найтан*, понижая голос. — Для старых богов. Для тех, кто за Стеной. Кто знает для чего.

— Я думала, что для службы ложно-бессмертным, — возразила я. И шок пронзил меня. — Ты думаешь, их отдают в жертву богам?

— Нет, конечно. Это происходит уже сотни лет. Думаешь, наши отцы отдавали бы своих дочерей, если бы думали, что их приносят в жертву? — заверил *Найтан*. — Но и реальное их назначение нам просто не говорят.

Косторез, расположившийся неподалёку, который высекал острым кинжалом очередную игрушку из кости, усмехнулся, привлекая наше внимание. Мы все втроём посмотрели на него. На голове у него был капюшон, низко спадающий на лицо, чтобы прятаться от солнца, но он откинул его, обнажив своё лицо миру. Каштаново-бронзовые кудри. Острые скулы. Губы, сложенные в полуулыбку, которая не трогала глаз.

А глаза они были тёмными, с золотыми искрами, которые, казалось, видели больше, чем следовало. В них было что-то старое, усталое, будто он смотрел на этот мир так долго и находил его всё более и более скучным.

— Конечно, разве вы могли усомниться, что власть иму-

щие способны солгать своему народу? — усмехнулся он, даже не глядя в нашу сторону. Его голос — низкий, с хрипотцой, как далёкий раскат грома — заставил мурашки пробежать по моей спине. — Неслыханно.

Он отложил кинжал — лезвие тускло блеснуло в свете — и взял в руки маленькую фигурку. Деву с распахнутыми крыльями за спиной. Кость странно мерцала на солнце — переливалась, как перламутр, словно принадлежала не животному, а чему-то, что никогда не ходило по земле.

— Вы думаете, девушки, ушедшие за *Грядю*, и вправду служат? — продолжал он, вертя фигурку в длинных пальцах. Его ногти были чистыми, аккуратными — не как у простого ремесленника.

Я хотела уйти. Внутри всё кричало, что не нужно с ним говорить, что он опасен. Но ноги не слушались — приросли к земле, будто корни проросли сквозь подошвы.

— А что же с ними случается? По-вашему мнению, — спросила я, и голос прозвучал чужим, хриплым шёпотом.

Он улыбнулся. Улыбка не затронула его глаз — те оставались холодными, как зимнее небо.

— Это зависит от того, кому они достанутся. Есть боги, что пьют красоту, как вино. Есть те, что питаются страхом. А есть — он взмахнул рукой, стряхивая костную стружку, которая повисла в воздухе, как мелкая пыльца, — те, что ищут не просто тело, а душу. Чтобы заключить её в клетку.

Улья побледнела. *Найтан* шагнул вперёд, заслоняя сест-

ру, но я не могла пошевелиться. Взгляд костореза приковал меня к месту, как кольцо охотника — птицу.

Он поднял фигурку выше, и солнечный свет пронзил кость насквозь. Мне показалось, что внутри что-то блеснуло — живое, бьющееся, запертое.

— Вы говорите о богах, об истинно-бессмертных, — вырвалось у меня, и я удивилась собственной смелости. — Они не связаны материальными вещами. Но кто-то приносит монеты. Медь. За каждую девушку. Это могут быть только ложно-бессмертные, это

— Ты думаешь, деньги приносят *фэйри*? — он рассмеялся — и смех его прозвучал как звон разбитого стекла, рассыпающийся по мостовой мелкими осколками. — Веришь ли ты в *фэйри*?

Я вздрогнула, а он снова усмехнулся, и в его карих с золотым отливом глазах на миг плеснулась тьма. Он продолжил.

— Нет. Вероятно, их дают свои же, чтобы успокоить совесть. Чтобы думать: мы не продаём дочерей, мы отправляем их на службу. И медные монеты — такая малость за то, чтобы не смотреть правде в глаза.

У меня открылась челюсть. *Улья* рядом замерла на месте от такого откровенного мнения чужака. Кто он? Не могла вспомнить, видела ли я его здесь раньше. Мой взгляд метнулся к *Найтану*, но он тоже держался настороженно. За такие разговоры нам могло влететь всем, а я и без того имею запятнанную репутацию по самые щиколотки.

Он положил фигурку на прилавок и подтолкнул её ко мне.

— Возьми. Это подарок. Чтобы ты не забывала: правда всегда больше лжи, но ложь убивает медленнее.

Я не хотела брать. Его изречения были странными и пугающими, а в его глазах — золотых, чужих — я видела что-то, от чего хотелось спрятаться.

Но пальцы сами потянулись к холодной кости.

Фигурка лежала на ладони — тяжёлая, не по размеру. И Холодная. Она будто примерзла к пальцам.

— Кто вы? — выдохнула я.

Косторез наклонил голову, и его кудри упали на лицо, скрывая глаза.

— Тот, кто знает, что не лес является самым опасным местом по эту сторону *Гряды*, — сказал он тихо. — Но и не все кости, что мне приходится находить в лесу, принадлежат животным. Я много смотрю, мало говорю. Делюсь мыслями.

— Делайте это осторожнее, в следующий раз, — вставил напряжённо *Найтан*, и я была с ним согласна.

Косторез наклонил голову, и бронзовые кудри упали на лицо, скрывая глаза.

Он поднялся из-за прилавка, и я только тогда заметила, какой он высокий. Выше *Найтана* на голову, а на все две выше меня. Плащ его, серый и невзрачный, при движении вдруг полыхнул изнутри золотом, как закатное небо, и я поняла: этот человек был богат. Слишком богат, чтобы сидеть здесь, в пыли, и резать кости.

Он шагнул в толпу — и та расступилась перед ним, как вода перед камнем. Никто не возмутился, никто не посмотрел вслед. Его будто и не было.

Но на мгновение он обернулся, и его губы шевельнулись в беззвучных словах. Я не услышала, но почему-то поняла:

«*Мы ещё увидимся*».

— *Лири!* — *Улья* трясла меня за плечо. — Ты как? Ты побледнела как смерть. Что он тебе сказал?

— Ничего, — я перевела дыхание. — Просто кто это?

— Мы его раньше не видели, — ответил *Найтан*, хмурясь. — Приехал недавно. Говорят, косторез из южных земель. Но я бы не советовал с ним связываться. От него нелюдимым веет.

Я кивнула, но взгляд мой упал на прилавок, где осталась лежать та самая фигурка — маленькая дева с распахнутыми крыльями за спиной. Кость странно мерцала на солнце, и мне показалось, что она смотрит на меня.

— Надо взять, — вдруг сказала я себе под нос и, протянув руку, быстро сунула фигурку в карман передника.

Улья удивлённо моргнула.

— Точно надо мало ли.

— Это же подарок, — ответила я, чувствуя, как холодок пробегает по пальцам. — Может, сгодится на что.

Найтан покачал головой, но ничего не сказал. *Улья* только вздохнула.

— Ладно, надо идти, — бросила я, ощущая, как фигурка

будто тяжелеет в кармане, и мы двинулись прочь, но я всё никак не могла отделаться от чувства, что нас кто-то провожает взглядом.

«Мы ещё увидимся».

Ньяду, надеюсь, нет.

Глава 2

— *Улья Бреннан!* — резкий голос пробился сквозь гомон рынка, заставив меня вздрогнуть. Я обернулась и увидела мать Ульи — госпожу *Бреннан*. Она стремительно приближалась к нам, вытирая руки о засаленный передник. Её лицо, обычно приветливое, сейчас было перекошено гневом. — Где тебя носит? Я целый час жду.

Её взгляд упал на меня, и щёки налились ещё более ярким румянцем.

— Опять пришла сюда? Если не покупаешь — уходи! — Её голос был пронзительным, как скрип несмазанной петли, и каждый слог врезался в уши, заставляя вжимать голову в плечи.

— Мама, мы просто разговаривали, — начала *Улья*, но мать перебила её, схватив дочь за локоть.

— Разговаривали? С ней? — госпожа *Бреннан* бросила на меня взгляд, полный презрения, словно я была чем-то неприличным, приставшим к подошве её башмака. — Я же велела тебе держаться подальше от этой семьи. У них нет будущего, нет даже доброго имени! Будешь якшаться с ней — и ждёт тебя такая же судьба старой девы, как у неё и её сестрицы.

— Мам, мы же общаемся с детства, никому не будет никакой разницы... — высоким голом протянула *Улья*.

— Вот именно! — она повысила голос, не скрывая злорадства, переведя уничтожительный взгляд на меня. — С детства, а ты всё так же бедна и опозорена. Тебя замуж не возьмут, хочешь, чтобы и *Улью* считали такой же? Репутация моей дочери мне дороже!

Слова били больнее пощёчин. Не потому что были правдой — а потому что и вправду так считала. *Как и все остальные*. Элеонор не опозорила нас. Её опозорили. Но попробуй объясни это женщине, которая всю жизнь измеряла достоинство других тем, как много у них земли и как крепко они держат ноги в стремях. *Улья* побледнела, попыталась вырваться.

— Мама, прекрати! *Лири* не виновата в проступках старшей сестры, — взмолилась *Улья*, и я закусила язык, чтобы не выступить на защиту *Элеонор*. Сделаю только хуже.

Найтан отошёл прочь, делая вид, что занят разбором корзины, которую принесла мать. Наверняка вспомнил, что флирт со мной был под строжайшим запретом.

— Молчи! — Госпожа *Бреннан* дёрнула её к себе. — Идём. *Найтан*, смотри за лавкой. И ты тоже не смей больше с ней разговаривать, слышишь?

Найтан бросил на меня виноватый взгляд, но послушаться мать не посмел. Он кивнул, уставившись в пол, словно меня тут уже не было. *Улья* обернулась, и в её глазах стояли слёзы.

— Прости, *Лири* — прошептала она, прежде чем мать уволокла её прочь.

Я осталась стоять посреди рынка, глотая унижение. Вокруг шептались, тыкали пальцами, но я заставила себя поднять голову. Если сейчас проявлю слабость, они съедят меня живьём.

— *Лири!* — голос *Элеонор* прозвучал резко, как удар хлыста. Она появилась из-за прилавка с рыбой, и её лицо было белым от гнева. — Что здесь произошло?

— Ничего, — выдохнула я. — Просто госпожа *Бреннан* напомнила мне моё место.

Сестра стиснула челюсть. В её глазах полыхнуло что-то опасное, но она лишь кивнула.

— Пошли. Нам нужно купить продукты и убраться отсюда.

Мы двинулись вдоль рядов, но я заметила, что *Элеонор* то и дело оглядывается, словно ища кого-то взглядом. Её пальцы нервно теребили край кошелья.

— Ты чего? — спросила я.

— Ничего, — отрезала она, но через мгновение добавила: — Я слышала, что сегодня в город приехал кое-кто.

— Кто?

Элеонор не ответила, но её напряжённая спина говорила сама за себя. Мы купили рыбу, хлеб и немного овощей, и уже собирались уходить, когда у входа на рынок я заметила высокого мужчину в дорожном плаще. Он стоял, прислонившись к столбу, и, казалось, ждал кого-то. Когда наши взгляды встретились, у меня перехватило дыхание.

Это был не косторез. Этот был другим — моложе, с тёмными, почти чёрными волосами, холодными серыми глазами и тонкими, жестокими губами.

— *Элеонор*, — сказал он, когда сестра поравнялась с ним, и в его голосе не было приветствия — только сталь. — Моя дорогая мачеха.

Он насмешливо улыбнулся, не утрачивая холодности в глазах.

Сестра замерла, будто её окатили ледяной водой. Я видела, как побелели её костяшки, сжимающие корзину.

— *Арик*, — выдавила она. Без намёка на приветливость. Мужчина шагнул к ней, и я инстинктивно подала вперёд, но *Элеонор* остановила меня взглядом.

— Надеюсь увидеть тебя здесь, — продолжал он, окидывая её платье и повязку на волосах с плохо скрываемым презрением. — Живёшь скромно.

— Живу, — отрезала *Элеонор*. — Чего ты хочешь?

Вместо ответа он обернулся и жестом подозвал женщину, стоявшую поодаль. Молодая, с округлившимся животом, в богатом платье, она подошла, опираясь на руку служанки.

— Моя жена, *Лизаветта*, — представил *Арик*, и в его глазах мелькнуло торжество. — Мы ждём наследника. Хотел лично сообщить тебе об этом.

Я почувствовала, как *Элеонор* вздрогнула. Едва заметно, но я была рядом и видела всё.

— Поздравляю, — сухо сказала она.

— Да, — *Арик* подошёл ближе, его голос стал тише, но от того не менее угрожающим. — И, знаешь, в связи с этим я задумался о наследстве. Мой отец был щедр, но, как выяснилось, недальновиден. Мы не получили твой выкуп при жизни отца, и ты знаешь, что после его смерти на выкуп накладываются проценты. И ещё эти отступные

Он вздохнул, словно столь сложные экономические вычисления его утомляли.

— но дом дом-то принадлежал роду моей матери, а я остался без крова. И по закону, если наследник не рождён в браке, имущество возвращается в род. — Он сделал паузу, словно давая нам время осознать.

У меня нет твоего дома. Его ни у кого больше нет, потому что этот твой отец проиграл его в карты. Спрашивай с тех, кто его забрал.

Он улыбнулся, почти засмутившись, почти по-доброму. Почти.

— *Элеонор*, я имел в виду твой дом. — Он бросил короткий оценивающий взгляд на меня. — Ваш, дом, поправлюсь. Ты же *Лирия*, верно? Так выросла с момента, когда мы виделись в последний раз.

Я оторопело заморгала, но *Элеонор* пошла в атаку.

— Ты его не получишь. С чего ты решил, что он тебе положен?

— Плата, которую ты вносишь, слишком маленькая. И слишком долгая. Сколько мне ждать, пока ты по паре желез-

ных монет в месяц мне выплатишь всю сумму? Через десять лет? Двадцать? А малыш родится уже через пару месяцев, — он махнул рукой в сторону *Лизаветты*, которая вся сжалась от напряжения. Явно не так она планировала встречу с единственным родственником мужа и носителем его фамилии.

— У нас был договор, — проговорила *Элеонор*. — Твой отец

— Мой отец мёртв, — перебил *Арик*. — А я намерен обеспечить будущее своего сына. Так что подумай, *Элеонор*. Долг твой платить ещё долго, а дом дом может быть продан с торгов, если ты не найдёшь способа погасить задолженность в ближайшее время.

Моё сердце пропустило удар, но я не смела вмешиваться, хотя уже очень сильно хотелось послать этого напыщенного индюка.

— Дом моей семьи не ставится на кон в качестве залога. И точка. Я этого не допущу, — отрезала сестра, её кулаки уже были просто белыми от того, как она сжала их вместе.

— А разве ты решаешь? Насколько я помню, и у вас нет наследника по мужской линии. Объявится какой-нибудь ублюдок вашего папеньки и заберёт поместье, и плакали мои

Его речь оборвалась громкой и резкой пощёчиной. Я с ненавистью смотрела на этого самомнительного недомерка. Ладонь горела — не от боли, а от резкого, почти сладкого удовлетворения. Я никогда не била людей. Никогда не думала, что способна. Но сейчас, глядя, как он хватается за щеку

с выражением оскорблённого достоинства на мерзком лице, я поняла, что эта пощёчина была не его. Она была тем, кто оставил нас в таком положении. Моя рука опустилась.

Арик вытаращился на меня, словно бы только заметив, что я тоже стою здесь.

— Не смей. Говорить. Про отца, — чеканя каждое слово, бросила ему, переведя взгляд на свою сестру. Милостивые боги, *Элеонор* улыбалась. Не той каменной, дежурной улыбкой, которую она носила, как щит. А настоящей — горькой, хищной, почти злой. Такой я не видела её с детства. И эта улыбка сказала мне больше, чем любые слова: она была довольна. Не тем, что я ударила, — тем, что я не смолчала.

— Моя сестра точно так же, как и я, наследует поместье, согласно завещанию нашего отца. Думаю, теперь ты будешь учитывать и её мнение, — с толикой довольства произнесла *Элеонор*. Она кивнула на жену *Арика*: — Советую вам меньше волноваться. У вас сейчас и так сложное время.

— Я пойду к распорядителю, и ты, — он ткнул пальцем в *Элеонор*, придерживая другую руку у красной щеки, — и ты, — ткнул теперь пальцем в меня, — вспомните, что такое уважение, когда ваш дом будет описан и всё имущество перейдёт ко мне. Я был добр, — отбирая у нас каждую свободную монету, — давал вам время. Ну так теперь время заканчивается. У вас месяц.

Он ушёл, а мы остались стоять среди рынка, где продавцы уже отводили взгляды, делая вид, что ничего не слышали.

Мы стояли и смотрели им вслед, на душе было беспокойно, угроза казалась совершенно реальной.

— У нас есть шанс найти лазейку в вашем брачном договоре? Или он правда может продать наш дом? — дрожащим голосом спросила я. Сестра продолжала смотреть вслед «пасынку», нервно стискивая кончик своей тёмно-каштановой косы.

— Эти брачные контракты составляются таким образом, чтобы только мужчины остались в выгоде. Девушек они не защищают, — ответила она. — Мой предусматривал выкуп, если брак не будет консумирован или не принесёт наследника. Я я не смогла дать им его. Значит, мы платим. — Она развернулась ко мне, схватив за плечи: — Но я что-то придумаю. Раздобуду деньги.

— Давай вместе что-то придумаем. Ты всегда за всех отдуваешься, — встряла я, перехватывая её руки. — Вдвоём всяко больше шансов.

Она вздохнула и посмотрела почти снисходительно.

— Если честно, шансов маловато, *Лири*.

Что мы можем придумать? Нас двое, у нас нет ни состояния, ни связей, ни надежды на лучшее. Мать уехала, отец мёртв, репутация разрушена. «И правда, маловато».

Тут нужна целая гора монет, чтобы всё решить. И желательно — медных.

Она отпустила мою руку и пошла прочь, выпрямив спину, но я видела, как дрожат её плечи.

Домой мы возвращались в молчании. Я перебирала в голове все возможности, но их было так мало. Работа? Мы и так работаем на износ. Продажа имущества? Почти всё уже продано. Остались лишь стены, да и те под угрозой.

Я не сразу поняла, откуда она взялась — эта мысль, липкая и холодная, как змея, выползшая из щели. Она зародилась не из слов Арика и не из нашего отчаяния. Она пришла с рынка, от того костореза с золотыми глазами, который сказал: «Медные монеты — такая малость за то, чтобы не смотреть правде в глаза». А что, если посмотреть? Что, если взять эту правду — продать себя — и обменять на жизнь сестры?

Оброк.

Глава 3

Две недели до Рахмы тянулись, как вязкая смола. Каждый день я просыпалась с мыслью о медных монетах, о долге, о доме, который мог в любой момент уйти из-под ног. *Элеонор* делала вид, что всё под контролем, но я видела, как она по ночам сидит у окна, пересчитывая жалкие остатки наших сбережений.

Я тоже считала. Снова и снова.

Мы перерыли весь дом в поисках того, что ещё можно продать. *Элеонор* вытащила старый отцовский сюртук — тонкое сукно, но с протёртыми локтями. Я нашла в чулане медный подсвечник с погнутым краем. Сестра молча сложила всё в холщовый мешок и ушла на рынок, а когда вернулась, в её кошельке звенело жалкое количество монет.

— Меньше, чем в прошлый раз, — сказала она, не глядя на меня. — Старьёвщик сказал, что вещи старые и никому не нужны.

Я взяла несколько медяков в руки. Они были холодными и шершавыми, словно сама судьба имела такую текстуру.

— Может, попробовать отнести в другой квартал? — предложила я.

— Там нас не ждут. — *Элеонор* усмехнулась горько. — У нас репутация хуже любой просроченной рыбы.

Она ушла в свою комнату и закрыла дверь. Я осталась в

кухне, перебирая в голове всё, что мы могли бы сделать. Работа? Мы и так работаем на износ. Занять? Не у кого, да нам и не дадут, зная наше положение. Попросить у матери? Она сама теперь живёт на подаянии тёти.

Из-за закрытой двери донёсся звук. Тихий, приглушённый. Я замерла, прислушиваясь. Это было похоже на плач. *Элеонор* — моя железная, нескгибаемая сестра — плакала. Слезы, которые она никогда не позволяла себе при мне, сейчас прорывались сквозь щели старой двери, смешиваясь с воем ветра за окном.

От этих звуков у меня защемило сердце, и слёзы навернулись на глаза.

Положение — *крах*.

Я сделала шаг вперёд, чтобы постучать, но рука застыла в воздухе. Она не хотела, чтобы я видела её слабость. Никогда не хотела.

А может, это просто ветер выл в печной трубе. Может, мне показалось.

И я ушла, оставив всхлипы позади, чтобы вдохнуть свежего воздуха, который хоть немного прочистит голову.

На следующее утро *Элеонор* встала затемно. Я слышала, как она возится в прихожей, надевая рабочие сапоги.
— Ты куда? — спросила я, спускаясь по лестнице.

— На мельницу, — ответила она, не оборачиваясь. — Господин *Лье* сказал, что нужны рабочие руки перед праздником. Платят медяк в день.

— Но ты же не обязана

— Я обязана, *Лири*. — Она повернулась, и я увидела её лицо — уставшее, но решительное. — Мы обязаны выжить. Если для этого нужно молоть зерно до кровавых мозолей — я буду молоть.

Она вышла, хлопнув дверью. Я смотрела в окно, как её тёмная коса мелькает между кустами, пока сестра не скрылась за поворотом.

А значит, с меня — завтрак для наших постояльцев и грязная работа по дому на весь день.

Вскоре я взяла корзину и отправилась в поля за домом. Собирать полевые цветы и лекарственные травы было моей работой с детства — этому учила меня няня *Олена*, ещё с тех времён, когда у меня была няня. Ромашка, зверобой, тысячелистник, мята. Я знала, где растёт самое лучшее сырьё, и могла продать его на рынке дороже, чем обычные торговцы.

Но сейчас даже лучшие сборы не спасали.

Я срезала стебли валерианы, складывая их отдельно от цветов, и думала о том, сколько ещё нужно набрать, чтобы выручить хоть немного. Корзина наполнялась медленно, а

время подгоняло.

В полдень я тайком пробралась на рынок — к тому месту, где *Улья* иногда торговала, когда мать отпускала её одну. Сегодня ей повезло: госпожа *Бреннан* осталась с отцом, и *Улья* стояла за прилавком одна, нервно оглядываясь по сторонам.

— *Лири!* — выдохнула она, увидев меня. — Быстро, пока никто не видит.

Я выложила травы. *Улья* быстро оценила их взглядом, прикидывая цену.

— Сушёный зверобой хорош, ромашка тоже. Валериана свежая?

— Вчера собирала, — кивнула я.

Она достала из-под прилавка завёрнутые в тряпицу монеты. Я видела, как она колеблется.

— Я могу дать только половину обычной цены, — прошептала *Улья*. — Мать забрала почти всё. Если узнает, что я покупаю у тебя

— Я понимаю. — Я взяла монеты, даже не пересчитывая. Они тут же исчезли в кармане.

Улья сжала мою руку.

— У вас всё будет хорошо, — сказала она, но в её глазах я читала сомнение.

— Обязательно, — ответила я, не веря своим словам.

Я ушла, пока никто не заметил. В кармане звенело жалкое подобие богатства, и с каждым шагом я понимала: этого не хватит даже на новый угол для крыши.

Дома я пересчитала деньги. Мелочь. Крохи.

Мы с *Элеонор* работаем, продаём, экономим — но долг не уменьшается. Проценты растут. *Арик*, наверное, уже потирает руки, представляя, как вышвырнет нас на улицу.

Мысли об *оброке* возвращались снова и снова, как зубная боль. Я гнала их, но они возвращались, обрастая мрачными деталями: девушки, ушедшие за *Гряду*, медные монеты, которых хватит на всё и тишина, которой они платили.

Но я ещё не решилась.

За три дня до *Рахмы* небо почернело внезапно, как будто кто-то задул единственную свечу в комнате. Ветер налетел с востока, рванул ставни, и первые тяжёлые капли упали на землю с такой силой, что подняли пыль столбами.

Мы с *Элеонор* едва успели закрыть окна, когда грянул гром — раскатистый, злой. А следом, ослепляя, ударила молния.

Я зажмурилась, и в тот же миг раздался треск, от которого земля, казалось, ушла из-под ног.

— Дерево! — крикнула *Элеонор*, но я уже всё поняла.

Старый дуб у самого дома, тот самый, под которым мы в детстве играли в куклы, раскололся надвое. Огромная часть

рухнула прямо на веранду, проломив перила и завалив часть крыши.

Мы выбежали на крыльцо под ливень. Вода заливала лицо, мешая смотреть, но я видела достаточно: крыша над кухней была пробита, балки торчали в разные стороны, а веранда превратилась в груды щепок.

— Никто не пострадал, — прошептала *Элеонор*, словно проверяя, не ошиблась ли.

Я кивнула, чувствуя, как страх сменяется отчаянием. Удар пришёлся на угол дома, там, где мы хранили инструменты и сушёные травы. Если бы мы сидели на веранде, как часто делали по вечерам

— Нам нужно чинить, — сказала я, перекрикивая ветер.

— На что? — Голос сестры был пустым. — У нас нет ни денег, ни лишних досок, ни рук. *Лье* за помощь на мельнице дал мне только мешок муки и обещание.

Я смотрела на обломки. Всё шло наперекосяк. Долг, дом, теперь ещё и эта гроза. Словно сам *Ньяду* решил добить нас.

— Я достану доски, — сказала я твёрже, чем чувствовала. — У *Найтана*, может быть, есть лишние. А крышу починим сами.

Элеонор посмотрела на меня долгим взглядом, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на надежду. Или на прощание.

— Хорошо, — сказала она. — Починим.

Я так и не попросила доски у *Найтана*. На следующий день, когда мы с *Элеонор* разбирали завал, к нам пришёл *Арик*.

Он стоял на дорожке, в дорогом плаще, даже не промокшем под мелким дождём, и смотрел на разрушенную веранду с плохо скрываемым удовольствием.

— Слышал, у вас неприятности, — сказал он, не здороваясь.

— У нас всё хорошо, — отрезала *Элеонор*, выпрямляясь. Её руки были в ссадинах, платье испачкано, но спину она держала прямой.

— Вижу. — *Арик* усмехнулся. — Я к вам по делу. Срок подходит к концу через две недели, а увеличенные платежи ко мне не поступали ещё. Если до *Рахмы* вы не внесёте хотя бы половину, я передаю дело управителю. Дом будет описан.

— Ты не посмеешь, — прошипела *Элеонор*.

— Посмею. И ты это знаешь. — Он широко и неожиданно улыбнулся. С намёком. — Если только не найдётся альтернатива.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Арик пожал плечами.

— В городе говорят, в этом году ищут добровольцев на *оброк*. Плата за девушку — больше ста медных монет. Этого хватит и на долг, и на новый дом.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Вот они, мои мысли, озвученные этим засранцем. Но постаралась не подать виду, что меня это интересует.

— Ты предлагаешь мне продать себя на службу ложно-бессмертным? — голос *Элеонор* был тихим и страшным.

— Я предлагаю решить вопрос. — *Арик* развернулся, не дожидаясь ответа. — Думайте. Времени у вас мало.

Ох, только бы она не начала думать в этом направлении. Сестре приходилось тяжело каждый день на протяжении последних шести лет.

Одно дело выйти замуж в шестнадцать, и совсем другое — стать в восемнадцать вдовой с долгами за плечами. Она тянула эту лямку, когда собственные родители относились к ней с презрением: мать винила, что она не смогла родить наследника мужу в возрасте, отец винил, что на него легли непосильные долги. Вот только отец сдался, дошёл до банкротства, а потом и пьянства, что и привело к ранней смерти. А она не сдавалась и каждый день продолжала бороться за нашу жизнь. *Ей нельзя на оброк*, это было уже слишком много для одного человека.

Но была ещё я.

Он ушёл, а мы остались стоять среди обломков, и дождь, казалось, зарядил с новой силой.

В ту ночь я почти не спала. Смотрела в тёмный потолок и слушала, как за стеной *Элеонор* ходит из угла в угол. Она тоже не могла уснуть.

Я думала о словах *Арика*. Сто медных монет. Сумма, которая казалась нереальной, когда мы пересчитывали жалкие *железянки* в кухне. Сумма, которая могла решить всё.

Но цена была слишком высокой.

Накануне *Рахмы*, вечером, когда последние приготовления к празднику уже были сделаны, а *Элеонор* ушла в город за какими-то припасами, я услышала стук в заднюю дверь.

Улья стояла на пороге, закутанная в старый плащ. Её лицо было белым, глаза красными — она плакала.

— *Лири*, я должна тебе кое-что сказать, — начала она, и голос её дрожал.

Я впустила её, усадила на лавку, налила воды.

— Отец вчера днём он упал, — выдавила она. — Не мог дышать. Такое было и раньше, но на этот раз мать послала за лекарем. — Она всхлипнула. — Тот сказал, что если не начать лечение через три дня — *Улья* закрыла лицо руками, плечи её тряслись. — Ему осталось меньше двух недель.

Я обняла её, чувствуя, как слёзы закипают в собственных глазах.

Она открывала рот и закрывала его, словно не решалась

что-то озвучить. Её пальцы на обеих руках свернулись в кулак.

— Я пойду на *оброк*, — прошептала *Улья*. — Завтра ночью. Я уже оставила имя у управителя.

— Что? — я отстранилась, глядя на неё с ужасом. — Когда?

— Сегодня. Сейчас. Я ждала, чтобы сказать тебе. Я знала, что ты будешь против. — Она сжала мои руки. — Но я должна, *Лири*. Ради отца. Ради семьи. Если я не сделаю этого, он умрёт, и мать никогда мне этого не простит. Это мой единственный шанс послужить своей семье.

Я смотрела на неё, и в голове проносились обрывки мыслей. Слишком много совпадений. Ещё две недели назад она просто шутила на эту тему. А теперь уже решилась на самый отчаянный шаг, какой только мог быть.

— Ты не вернёшься, ты осознаёшь это? — отчеканила я, не уверенная, для кого именно это говорю. — Всем придётся продолжить жить так, как будто тебя уже нет.

— Они — моя семья, — заверила она, и в покрасневших глазах разгоралась настоящая решимость.

Вот бы и мне хватило храбрости так поступить. И если решусь, заплатят ли нам обеим? Обычно кандидатур больше чем одна не выдвигалось. По крайней мере, на моей памяти. Наверняка за сотни лет существования традиции такое уже случалось. Нужно будет уточнить этот вопрос у распорядителя.

— Просто скажи, что поддерживаешь меня, — взмолилась она. — Мне так нужен сейчас твой толчок. Скажи, что я поступаю правильно.

— *Улья*, — я вздохнула, проглатывая кислоту, — от моих слов ничего не изменится. Ты знаешь это. Считаю ли я это безумством? Да. — Я помолчала, но затем, смягчив голос, продолжила: — Но твоя цель благородна, ведь в конце концов, речь идёт о твоей семье. Даже если им будет больно потерять тебя.

Она сжала мою руку, едва прошептав: «*Спасибо*».

— Но я не хочу, чтобы ты отправлялась одна в лес, — возразила я. — Я пойду с тобой.

Решение было принято.

Глава 4

День Рахмы наступил неожиданно ярким, словно сама природа забыла о вчерашней грозе. Солнце заливало улицы золотистым светом, и даже воздух казался праздничным — чуть солоноватым от речных испарений, но свежим, пьянящим. Город с самого утра гудел, как потревоженный улей. Повсюду развевались зелено-голубые ленты — в знак глубины речных вод *Калуе*, и оранжевые — цвета огня, который ярк, как человеческая жизнь. На перекрёстках жгли благовония, и дымок ладана смешивался с ароматами свежей выпечки и жареного мяса.

— Сегодня ты обязана пойти на праздник, — сказала я *Элеонор*, когда мы заканчивали уборку. — Ты же помнишь, что в *Рахму* нельзя работать после полудня. *Ньяду* рассердится, и тогда

— *Ньяду* уже сердится, — парировала она, и я уставилась на неё. Она кивнула в окно. — Иначе бы шёл дождь. *Поверие*, *Лирия*, про дождливую погоду и благодать *Ньяду*.

В моей голове что-то щёлкнуло. Точно, благословением в *Рахму* считался именно дождь. Но ведь в него особо не погуляешь, а сегодня я была намерена гулять как в последний раз. Потому что он таким и был.

В её глазах впервые за много дней мелькнуло что-то живое.

— Хорошо. Пойдём.

Я почти не поверила своим ушам. Последние недели она была так погружена в работу и переживания, что я боялась даже заикнуться о развлечениях. Но *Рахма*, кажется, творила чудеса. Или она просто чувствовала, что мне нужен этот день.

Мы надели наши лучшие платья — не новые, но выстиранные и выглаженные. *Элеонор* заплела мне косу, вплетя в волосы голубую ленту, которую я хранила ещё с детства. Сестра тоже принарядилась, хотя её наряд оставался строгим, почти траурным, и несмотря на уже почти летнюю жару, её руки и плечи были полностью закрыты, как и всегда.

— Идём, — сказала я, беря её за руку. — Я хочу увидеть всё. И танцевать. И есть пироги с рыбой, пока не лопну.

— Не лопни, — сухо ответила она, но уголки её губ дрогнули в улыбке.

Главная площадь *Равенста* утопала в цветах. Жители вынесли столы прямо на мостовую, и воздух был полон музыки — дудки, волынки, звонкие бубны. Дети бегали между взрослыми, размахивая бумажными корабликами. Женщины в ярких передниках разносили угощение.

— Смотри! — *Элеонор* указала на группу ряженых, которые изображали водяных духов. Они были в зелёных балахонах, обвешанных ракушками и речными камнями, и плясали вокруг бочки с водой, выкрикивая древние здравицы.

Я засмеялась, и смех этот показался мне чужим, давно за-

бытым. Как давно я не смеялась? Месяц? Год?

Мы ели жареную рыбу, макая её в сметану с зеленью, пили яблочный сбитень, который грел изнутри, и я старалась запомнить каждую секунду. Вот *Элеонор*, откинув голову, слушает песню менестреля, и впервые её лицо расслаблено. Вот она кивает старому торговцу, который когда-то знал нашего отца, и тот, улыбаясь, подносит ей кружку. Вот мы танцуем вместе с другими девушками, взявшись за руки, и я чувствую тепло её пальцев. Я старалась запомнить всё, по чему буду так горько скучать потом. Если это «потом» у меня будет.

Мы с *Ульей* тайком отправились к распорядителю. Я оставила своё имя и почувствовала, как тяжесть каменной глыбы легла мне на грудь. Отступить было некуда. В списке на *оброк* теперь значилось два имени. Больше желающих не нашлось. Мы попросили держать это в тайне от наших семей и от кого-либо ещё и уточнили, заплатят ли нашим семьям за нас обеих, если мы пойдём вдвоём. Нас тут же остудили: заплатят, но только если обе девушки смогут пересечь *Гряды* живыми. Ранее уже были попытки попасть нескольким кандидаткам, но только самым удачливым удалось это сделать всего пару раз, согласно «*Писанию первых*», просветил нас распорядитель.

Это должно было уничтожить нашу решимость, но проблемы, что терзали нас здесь, были куда серьёзней, чем мы сами. Мы не могли подставить свои семьи.

Поэтому сегодня я веселилась открыто, радостно, исключая мысли из головы, что время, отведённое мне здесь, уже почти закончилось. Но такой чудесный день стремительно заканчивался, солнце клонилось к закату, и тени начали удлиняться. И ни одной тучки за день на небе не появилось — можно ли это было считать дурным ознаменовани­ем, я не знала.

— Мне нужно кое-что сделать, — сказала я сестре, когда толпа стала редеть. — Ты иди домой, я догоню.

— Не задерживайся, — ответила *Элеонор*. — Завтра рано вставать.

Она ушла, а я осталась на площади, глядя, как её тёмная фигура растворяется в сумерках. Сердце сжалось. Я знала, что больше никогда не увижу её здесь, среди этих огней, но я запомню её такой.

Выждав время, я всё же вернулась домой, но направилась не к крыльцу, а к кухонному окну. Внутри было тихо — *Элеонор*, наверное, уже легла. Я осторожно открыла створку, просунула руку и положила на подоконник сложенный вчетверо лист бумаги. Тот самый, который писала вчера, когда она спала.

«Элеонор, моя дорогая сестра. Если ты читаешь это, значит, я уже ушла туда, откуда не возвращаются. Не ищи меня. Я сделала это ради тебя, ради дома, ради нашей семьи. Потому что ты уже несла огромные жертвы ради меня, ради нашей семьи, которая так с тобой обошлась. Те-

перь жертвовать буду я.

Ты заслуживаешь жизни без долгов и унижений. Ты заслуживаешь счастья. Распорядись деньгами правильно и, прошу, начни уже жить.

Прости, что не сказала тебе в лицо. Я бы не выдержала, даже писать это мне было больно. Мы не говорили этого друг другу, но я люблю тебя, Лени, и знаю, что я единственная на свете, кого любишь ты. Но теперь тебе нужно будет меня отпустить.

Помни: я всегда буду с тобой, в каждом ветре, в каждой капле дождя. Обещаю постараться выжить там, где я окажусь.

Твоя младшая сестра, Лири».

Я задвинула письмо за горшок с сушёной мятой — туда, где она обычно искала свои травы по утрам. Потом зажмурилась, прогоняя слёзы, и пошла прочь.

Улья ждала меня у старой мельницы. Мы заранее спрятали здесь котомки с самым необходимым — хлеб, вяленое мясо, фляги с водой, тёплые платки. В городе нас уже ждали — распорядитель выделил пятерых мужчин, которые должны были сопровождать нас до самой *Гряды*. Я никого из них не знала, и от этого неприятное ощущение в животе стало

только острее. Но мы сами попросили не впутывать в это наших знакомых. *Как бы не пришлось об этом пожалеть.*

Мы двинулись в путь, когда луна уже поднялась высоко. Лес встретил нас прохладой и густыми тенями. Тропа, указанная распорядителем, вилась между старыми деревьями, и я то и дело оглядывалась, чувствуя чей-то взгляд. Но позади была только ночь.

— Как прошло твоё прощание с сестрой? — тихо спросила *Улья*. Она была бледна и непривычно сдержана, но я вполне могла понять её состояние.

— Я написала ей письмо. Не смогла сказать лично, — я вспоминала образ *Элеонор*, исчезающий в праздничных огнях вечера. — Она бы не отпустила.

— Как и *Найтан*, — её голос дрогнул на имени брата. — Я нарисовала ему рисунок, с пояснением, куда ушла.

Между нами воцарилось молчание. Не все из нас умели читать и писать — далеко не у всех были няни и средства на учителей. Моё детство дало мне такую возможность, а *Улье* её — нет.

— Они поймут. Ведь деньги спасут твоего отца, — я жала её руку, продолжая идти.

Наши охранники даже не смотрели на нас, вглядываясь в тьму леса. Мы шли всего с двумя факелами, их света хватало лишь на пару шагов вперёд.

— Не бойся, — шепнула я. — Мы всё сделали правильно. Хотя у самой в груди всё сжималось от дурного предчув-

ствия.

Улья хмыкнула в ответ, одолеваемая своими эмоциями.

— Мы всё сделали правильно, — повторила она неестественно спокойным голосом.

Лес становился всё глуше. Деревья здесь росли так тесно, что ветви сплетались в сплошной полог, и факелы гасли в сыром воздухе — их приходилось зажигать снова и снова. Корни выступали из земли, точно кости древних чудовищ, и я то и дело спотыкалась. Влажный мох скользил под ногами, и запах прелой листвы смешивался с чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, таким, от чего начинало кружиться голова.

— Что это? — прошептала *Улья*, прижимаясь ко мне.

Я не ответила. Где-то в глубине леса раздался звук — не крик, не вой, а что-то среднее между стоном и шепотом. Он длился всего мгновение, но я замерла, и сердце пропустило удар.

— Ветки скрипят, — сказал один из мужчин, но голос его дрогнул.

Старший, седой, с глубокими морщинами вокруг глаз, поднял руку, и мы снова остановились. Он долго вглядывался в темноту, его голова была напряжена, как у пса, взявшего след.

— Нам нужно спешить, — сказал он наконец. — Этот лес очень опасен.

Мы ускорили шаг, насколько позволяла тропа. Но ноги

словно вязли в земле, и каждый следующий шаг давался тяжелее. Воздух стал плотным, как перед грозой, и я с трудом переводила дыхание. Факелы горели тускло, их свет едва доставал до ближайших деревьев, и мне казалось, что за пределами этого скудного круга что-то движется.

— *Лири*, — шепнула *Улья*, и я почувствовала, как её пальцы впиваются в мою руку. — Ты тоже это чувствуешь?

Я кивнула. Страх поднимался изнутри медленно, как масло на воде. Он не был паническим — он был вязким, тягучим, заполнял грудную клетку, мешая дышать. В ушах зашумело, и я вдруг поняла, что тишина вокруг стала абсолютной. Не было больше ночных птиц, не было треска цикад. Даже ветер затих, словно лес затаил дыхание.

— Стойте, — приказал старший, обнажая меч.

Мы замерли. Я смотрела, как он медленно поворачивается, вглядываясь в темноту. Его меч тускло блеснул в свете факела.

— Кто здесь? — спросил он в пустоту.

Ответа не было. Но я вдруг поняла, что впереди, между стволами, что-то есть. Не тень, не обман зрения. Что-то большое, тёмное, неподвижное. Оно ждало.

— Уходим, — сказал старший, и в его голосе впервые прозвучал страх. — Быстро.

Мы бросились вперёд, но земля под ногами вдруг стала вязкой, как смола. Факелы метались, и я видела, как деревья вокруг нас меняются — их кора покрывалась какой-то сли-

зью, а ветви тянулись к нам, точно руки.

— Не останавливаться! — крикнул кто-то.

Я бежала, спотыкаясь о корни, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. *Улья* была рядом, её дыхание сбивалось, но она не отставала. Вдруг один из мужчин вскрикнул, и я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как он падает на колени. Его лицо было белым, глаза вытаращены, и он указывал дрожащей рукой вперёд.

— Там

Я перевела взгляд.

Между деревьями стояла **оно**. Существо было огромным, выше любого человека, и его очертания не были чёткими — словно кто-то вылепил из грязи и корней подобие тела, но забыл придать ему форму. От него тянуло холодом, таким сильным, что у меня перехватило дыхание.

— Стойте, — прошептал старший, но его голос дрожал.

— Не двигайтесь.

Мы замерли. Оно не шевелилось. Оно просто стояло, и в этой неподвижности было что-то более страшное, чем любой крик или угроза.

— Что это? — выдохнула *Улья*.

— Тихо, — прошипел старший.

В следующее мгновение факелы погасли. Не задуло ветром, не кончилось масло — просто свет исчез, будто кто-то накрыл его ладонью. Мы оказались в темноте, такой густой, что я не видела собственной руки.

— Зажигайте! — закричал кто-то, и я услышала, как звенит кресало, но искры гасли в сыром воздухе, не давая огня.

А потом тишина лопнула.

Вопль, раздавшийся слева, заставил меня подскочить на месте. Я услышала треск ломающихся костей, влажный хруст, и тело упало на землю. Кто-то закричал — нечеловеческим, полным боли голосом, и этот крик оборвался так же внезапно, как и начался.

— Бегите! — заорал старший, и я почувствовала, как чья-то рука толкает меня в спину.

Я побежала, не разбирая дороги, увлекая за собой *Улью*. Ветви хлестали по лицу, ноги скользили по мху, и я молилась всем богам, которых знала, чтобы мы успели, чтобы выбрались, чтобы

Позади раздался ещё один крик, и я поняла, что нас осталось четверо. Потом кто-то закричал снова — и стало трое. Потом я услышала голос старшего, полный ужаса, и тут же — глухой удар, от которого земля содрогнулась.

Куда бежать? Куда?!

— Не оглядывайся! — закричала я *Улье*.

Мы бежали дальше, просто прямо, и я чувствовала, как силы покидают меня. Лёгкие горели, в глазах темнело, но я не останавливалась. Позади слышался лязг мечей, но он как будто затихал. То ли мы отрывались, то ли там просто больше некому было бороться.

Тьма вокруг стала почти осязаемой, и я уже не видела тро-

пы, только угадывала её по тому, как ветки расступаются перед нами.

Вдруг нога *Ульи* подвернулась, и она упала, вскрикнув от боли.

— Вставай! — я рванула её за руку, пытаюсь поднять, но *Улья* была больше меня, моя попытка оказалась бесполезной. Мои руки были слабенькие и тоненькие, как щепки.

— Не могу, — прошептала она. В этот момент луна показалась сквозь густые кроны деревьев, и я разглядела её — я увидела в её глазах такой страх, что у меня свело живот. — *Лирия*, беги

Я не успела ответить. Лунный свет распространился чуть дальше и упал на жуткое чудовище.

Его тело было сплетением бугорчатых мышц под бледной — почти прозрачной — кожей. Клыки выступали вперёд над неестественно-широкой челюстью, и с них капала кровь. Глаза — две пустые чёрные дыры — смотрели прямо на нас, и в них не было ничего, кроме голода. Оно двигалось медленно, словно наслаждаясь нашим ужасом, и каждый его шаг заставлял землю вздрагивать.

— *Улья* — прошептала я, пятась назад.

Она пыталась встать, но нога не слушалась. Её лицо было белым, как полотно, и я видела, как слёзы текут по щекам.

— Беги, *Лири*, — повторила она. — Пожалуйста.

Но я не могла. Не могла оставить её.

Совсем недавно я слушала истории о чудовищах от *Ани*,

от которых не могла потом спать по ночам без кошмаров. Сейчас этот кошмар ожил. *Стрыга*, кажется, так **это** называлось.

Существо наклонилось, его длинные узловатые пальцы сомкнулись на плече *Ульи*. Она даже не успела закричать — только взглянула на меня, и в этом взгляде было всё: прощание, любовь, боль. А потом раздался звук, который я не забуду до самой смерти: хруст ломающихся костей, треск разрываемой плоти, и крик — дикий, полный агонии, который оборвался так же внезапно, как и начался.

Кровь брызнула на моё лицо. Тёплая, липкая. А голова моей подруги с ужасным звуком упала возле моих носков. В тот миг что-то во мне оборвалось — тонкая нить, связывающая меня с нормальной жизнью, с домом, с надеждой на возвращение.

— **НЕТ!** — закричала я, не понимая, кричу ли вслух, или только в своей голове.

Стрыга подняла голову. Его пасть была перепачкана кровью, и он уставился на меня, облизывая длинным, раздвоенным языком почерневшие губы.

— Ещё одна, — прошептал его голос, похожий на скрежет камней. — Сладкая

Я оторопела, услышав человеческую речь, ужас сковал меня до самых лёгких.

Я хотела бежать, но ноги не слушались, хотела вздохнуть, но воздух горел в лёгких, не находя выхода. Тело стало чу-

жим, тяжёлым, и я могла только смотреть, как тварь приближается, как его когти тянутся ко мне, как раскрывается пасть, пахнувшая смертью.

Я уже чувствовала его дыхание на своей шее, когда из темноты вынырнули три тени.

Они двигались бесшумно, стремительно, и, во имя богини смерти *Морены*, невероятно быстро. В тот же миг воздух разрезал свист мечей. *Стрыга* взвыла — нечеловеческим, полным боли воплем, *но тени наседали*. Запахло железом и гнилью. Я видела, как лезвия входят в его тело, как он истекает чёрной жидкостью и бросается в лес, но не могла пошевелиться. Две тени — не тени, люди в длинных мантиях — бросились за ним. Перед глазами всё расплывалось, сознание ускользало, и последнее, что я помню, — как кто-то опускается рядом, касается холодными пальцами моего лица и командует. Кажется, я увидела лицо под мантией, но не могла сфокусировать взгляд.

— Если ещё жива — то беги.

Но я не могла. Всё окончательно залилось тьмой, и я провалилась в неё.

Очнулась я от холода. Земля подо мной была сырой, небо над головой — серым, предрассветным. Я лежала на краю леса, и вокруг не было никого. Только в нескольких шагах

виднелись остатки костра, погасшего много часов назад, да на ветке висела чья-то накидка.

Я попыталась сесть, и тут же рядом раздался голос:

— Наконец-то.

Я обернулась и увидела его.

Косторез. Он сидел на поваленном стволе, небрежно перебирая в пальцах маленькую костяную фигурку. Его каштаново-бронзовые волосы были растрёпаны, а глаза в утреннем свете казались почти золотыми.

— Вы — прошептала я.

— Я, — ответил он, переводя взгляд на меня. — *Мелантир Лорентайр*, — представился он.

— Моя подруга. *Улья* — слова застряли в горле.

— Я знаю, — его голос стал мягче. — Это была жестокая смерть. Но она была не напрасна. Ты жива.

Я попыталась встать, но ноги подкосились. *Мелантир* оказался рядом мгновенно, подхватив меня под локоть.

— Твоя подруга умерла, — сказал он, и в его голосе не было фальшивого сочувствия, только спокойная правда. — Но ты должна идти дальше. На тебе нет ран, я проверил, поэтому нужно поспешить. Ты уже опаздываешь.

— Куда? — выдохнула я, и в моём голосе прозвучало такое отчаяние, что я сама испугалась. Он говорил о моей подруге, как о сломанной ветке, а меня торопил идти дальше, будто ничего не случилось.

Он кивнул в сторону, где между деревьев смутно угады-

валась серая полоса — *Бронзовая гряда*. Оттуда тянуло холодом и чем-то древним, нечеловеческим.

— Туда, куда ты сама хотела. *За Гряды. В Бронзовые земли.*

Глава 5

Я никуда не собиралась. Мне хотелось снова потерять сознание — если бы это происходило по моему желанию. Перед глазами стояли кровавые образы — обрывки тел, что я успела заметить, и *Улья* Меня вырвало, с шумом, прямо рядом с местом, где я сидела. Желудок сжался в тугий узел, и меня выворачивало до тех пор, пока не осталась только горькая, кислая пустота. Я не могла ни закрыться, ни сдержать этот порыв.

Когда я подняла глаза от своего вчерашнего ужина на холодной коричневой земле, я встретила взглядом с *Мелантиром*. Он сидел на корточках в нескольких шагах, и его бронзовые волосы, освещённые первыми лучами, казались расплавленным металлом. Он не морщился, не моргал и выглядел почти заинтересованным, словно такая реакция была для него в диковинку.

Я просто тарасилась на него, надеясь, что новый приступ тошноты не скрутит меня снова. Но мужчина молчал. Только его золотые глаза — сейчас, при свете утра, они казались жидким янтарём — скользили по моему лицу, изучая, оценивая.

— Больше добавить ничего не хочешь? — он и не моргнул, пока я тяжело вздыхала и поднималась на ноги. — Тогда пойдём. Потому что, судя по всему, ты не собираешься

рассказывать, что будет, если *оброк* не состоится.

Меня пошатывало, но я стояла, стараясь держаться уверенно. Мне хотелось лечь на землю и плакать, но сейчас было необходимо взять себя в руки. Рука непроизвольно сжалась так, что ногти впились в ладони, и боль отрезвила.

Было ощущение, что, если я не двинусь сейчас за Гряду, он убьёт и меня тоже.

Мы молча направились к подножию. С каждым шагом воздух становился плотнее, а камни под ногами — острее, точно я ступала по осколкам разбитого стекла. Бронзовые прожилки в скалах вспыхивали в лучах зари, точно вены, по которым течёт расплавленный металл. Пахло здесь иначе — не лесом и утренней росой, а медью, сыростью и чем-то древним, спящим в недрах гор.

Спустя пару минут он всё же решил продолжить разговор.

— Я не собираюсь утаивать от тебя ничего, но ночь Рахмы на исходе. Проход может закрыться.

— Проход? — я вскинула брови. — Имеются какие-то туннели в горах?

На его лице отразилось выражение, которое было сложно интерпретировать. Смесь насмешки и терпения — как у взрослого, который объясняет прописные истины несмышлёному ребёнку.

— Не совсем. Мы входим в земли ложно-бессмертных. Как вы их называете. Они бы не были такими — без защиты, — проговорил он загадочно.

Мой мозг отказывался обрабатывать информацию сейчас, намёки доходили долго.

— Что ты имеешь в виду под «защитой»?

— Люди могут быть крайне жестокими с тем, что им непостижимо. Сотворение истинно-бессмертных было призвано защитить обе стороны от нападков друг на друга, — пояснил он, запутав ещё больше на секунду.

Но до меня всё же дошло.

— *Магия*? Ты говоришь о магическом барьере? — мои брови взмыли вверх, и я сбилась с шага. Слово «*сотворение*» билось в моей голове. — А ложно бессмертные обладают?

Он кивнул, но как-то поник.

— Обладают, но ограниченно.

Мы слышали, что *ложно-бессмертные* были сильны физически, свирепы и опасны. Ещё мы слышали, что они обладали какими-то силами, позволяющими управлять стихиями, но это воспринималось на уровне небылиц. Где-то в «*Писании первых*» «для начинающих» я вычитала слово «*магия*», которое описывало этот процесс. Но это были сведения тысячелетней давности, много раз переписанные со времён заключения *Мира* после первых войн.

— «Люди могут быть крайне жестокими с тем, что им непостижимо», — повторила я тихо.

— Называй как хочешь, — *Мелантир* усмехнулся, не замедляя шага. — Он держится уже тысячелетия. Ни один человек не способен его пересечь без нашего ведома.

Нашего. Я хотела спросить ещё, но он вдруг поднял руку, призывая к молчанию.

— День почти наступил. Дальше — ни слова, пока я не скажу.

Мы подошли к подножию в полной тишине. Скалы нависали так низко, что я почти касалась их головой. Бронзовые прожилки здесь были гуще, и от них исходило слабое свечение, будто камень хранил в себе остатки зари. Я протянула руку, но не посмела коснуться — камни казались живыми, дышащими.

Мелантир остановился, протянул руку вперёд и замер. Я смотрела на пустоту перед ним и ничего не видела.

— Барьер есть, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты его не видишь, но он здесь.

Он шагнул вперёд, и воздух перед ним вдруг пошёл рябью — как вода, в которую бросили камень. Я почувствовала, как волна энергии прошла сквозь меня, заставив волосы на руках встать дыбом. В этот самый миг его лицо начало меняться.

Я замерла, не в силах отвести взгляд, глаза широко распахнулись. Его черты заострились, словно кто-то провёл резцом по мягкой глине, убирая всё лишнее. Скулы стали острее, подбородок — жёстче, а глаза вспыхнули золотом — тем самым, что я уже видела мельком на рынке. Но самое невероятное случилось с ушами: из-под спутанных каштановых волос показались заострённые кончики, такие тонкие, что ка-

зались почти прозрачными на свету.

Воздух вокруг него задрожал, а от кожи пошёл слабый, едва уловимый жар. Он стал больше. Не ростом — присутствием. Я отшатнулась, едва не упав. Я бы и закричала от ужаса, но после прошлой ночи моя планка «ужаса» оказалась слишком высока. На смену панике пришла оторопелость, потому что я поняла, кем он был.

— Не бойся, — сказал он, и в его голосе зазвучала музыка — тягучая, опасная, завораживающая. Каждое слово обволакивало, как тёплый мёд, но я знала — это обман. — У меня нет планов причинить тебе вред. Я твой проводник. А теперь сделай шаг.

Шаг хотелось сделать в противоположную сторону и броситься прочь галопом. Но он протянул мне руку, и воздух вокруг неё вибрировал, словно сама реальность содрогалась от его прикосновения.

— Ты ложно-бессмертный, — выплюнула я.

— Я — фэйри. Один из них. Фэйец. Произносить «ложно-бессмертный» слишком долго, — он вновь сделал приглашающий жест. — Тебе нужно перешагнуть барьер. Сейчас, *Лирия*.

— Я не называла своего имени! — бросила резко, делая шаг назад.

— Разве не ты сама указала его в пюпитре распорядителя, *Лирия* Эрейдер?

Я ахнула. *Указала, сама, своей рукой.* Он видел его.

— И еще до этого, я подслушал вас тогда, на рынке. У вас были очень громкие голоса.

Он скривился, и виноватая улыбка отразилась на идеальных нечеловеческих губах.

— Зачем ты вообще там был? Почему заговорил с нами?
— ещё шаг назад.

Он бросил взгляд золотых глаз на мои отступающие ноги и тяжело вздохнул.

— Я пытался вас напугать. Не получилось, — губы совсем скривились, почти виновато.

Я остановилась. У меня не было оружия, а если бы и было, пользоваться им я не умела. Убежать от фэйри нельзя.

— Почему я должна перейти барьер? — прямо спросила я, вскинув подбородок. Он не мог утянуть меня туда силой, иначе сделал бы это ещё несколько минут назад.

— Разве ты не сама сюда пришла, за плату? — вопросом на вопрос ответил он.

Я замерла. Да, за неё. Но это было до того, как я увидела то, что увидела. В голове это никак не укладывалось.

— Если я перейду барьер, деньги отправятся распорядителям?

— Да. И оброк будет совершён.

— А если нет? — я сделала шаг вперёд, с вызовом, подходя почти до места, где ещё недавно была его рука. Это была проверка: на какие границы я могу рассчитывать.

— Ты умрёшь, не сумев вернуться домой.

В его тоне не было и намёка на недавнюю весёлость. Он был совершенно серьёзен. Я смотрела в его глаза и не видела там ни капли лжи — только холодную, древнюю правду.

— Но не от твоих рук? — страх звучал в моём голосе неподдельно.

— Ты же видела, что ещё могло пройти в эту ночь через барьер, — ответил *Мелантир*. — А в моих интересах, чтобы ты осталась жива.

Я оглянулась на восток: первые лучи уже появились над кромкой леса, разгоняя ночную тьму. Они падали на моё лицо, тёплые, почти ласковые, и в этом было что-то неправильное — как ласка после удара. Мне нужно было больше времени на принятие этого решения. Но его не было. Я проделала такой путь, пережила встречу со стрыйгой и оставалась жива, находясь один на один с этим фэйцем последний час. И всё ради этого момента.

— Хорошо, — сказала я и шагнула вперёд, оказавшись подле него.

Ничего не произошло: ни вспышки, ни щелчка, ни вибрации. Если барьер и был, на людей он не действовал. Только воздух стал чуть плотнее, и по коже пробежали мурашки — будто я шагнула в холодную воду.

Улыбка растянулась на губах фэйри, обнажая белоснежные острые зубы, отчего холодок пробежал по моей спине, а внутри живота разлилось странное, почти горячее чувство. Смесь страха и чего-то ещё, чего я не умела назвать.

— Сделала шаг наконец, — вновь улыбнулся он. — Во-
время. Иначе пришлось бы заталкивать тебя силой.

Я нахмурилась.

— Ты бы не смог вернуться за барьер, разве нет? — сло-
жила руки на груди, бросая вызов.

Его улыбка стала нагловатой. Он обошёл меня, сделал
пару шагов — наверняка пересекая барьер — затем ещё
несколько, подобрал мой вещевой мешок с припасами, о ко-
тором я уже забыла, и так же легко вернулся обратно, ста-
новясь рядом. Никакого усилия, никакой видимой магии —
просто шаг туда и шаг обратно.

Мои брови хмуро опустились, и я не сдержала фыркаю-
щий звук, который никак не вязался с тем внутренним ужа-
сом, что ещё сковывал меня.

— Это уловка? — спросила я, подняв ладонь и махнув
вперёд, пока моя рука не упёрлась во что-то твёрдое и холод-
ное, как стена ледяного дворца. Я ошарашенно оглянулась
на *Мелантира*.

— Войти ты, смертная, можешь. Выйти — нет. Это путь в
один конец, — произнёс он серьёзно и продолжил уже более
грустным голосом: — Добро пожаловать в Бронзовые земли,
Лирия.

Что-то внутри меня рухнуло вниз. Нет пути назад. Там,
позади, осталась *Элеонор*, совсем одна. Надеюсь, ей удастся
разрешить свои проблемы деньгами за меня.

Я жевала губы, борясь со слезами, и смотрела в лес, из

которого пришла. Горло сдавило.

— Скажи, что хотя бы моя семья получит оплату за меня,
— выдохнула я, прижав руку к сердцу.

— Я об этом позаботился, — ответил он, глядя прямо мне в глаза. — И за тебя, и за твою подругу. Она не дошла до барьера, но была близка. Считай, что я проявил великодушие.

Мои глаза поднялись к нему. Может, он и не был человеком, но что-то человеческое в нём явно жило. Или он просто хотел, чтобы я так думала.

— Спасибо, — искренне сказала я, и он кивнул.

Его волосы отливали такими же бронзовыми отблесками, как и горы рядом с нами. Они почти сливались со скалами — казалось, он был частью этого дикого, чужого места.

— Это было справедливо, — он оглянулся на Гряды, которую нам ещё предстояло пересечь уже по эту сторону барьера. — Если ты передохнула, предлагаю идти дальше. Королева уже ждёт.

Королева? В этих землях есть королева?

Вопросы, должно быть, отразились у меня на лице, потому что *Мелантир* пояснил:

— Витиеватая королева Бронзовых земель. Именно на службу к ней ты поступаешь.

Таковы условия сделки. Это не прозвучало, но было и без слов понятно.

— Тогда веди меня к моей госпоже, — ответила я, пытаюсь отобрать у него свой мешок — безуспешно. — Я ведь

пришла служить.

Мелантир перекинул котомку через плечо и шагнул вперёд, туда, где между скал открывался узкий проход, ведущий вглубь незнакомой земли. Его фигура в лучах восходящего солнца отбрасывала длинную, неровную тень, которая ложилась на камни, точно предупреждение.

Я пошла за ним, чувствуя, как с каждым шагом мир за спиной становится всё более далёким, а впереди — всё более реальным, пугающим и манящим. Сердце колотилось где-то в горле, и каждый удар отдавался в висках

Ты сделала это. Теперь назад дороги нет.

Глава 6

Бронзовые земли встретили меня холодом.

Не тем, от которого стучат зубы, а тем, что пробирается под кожу, оседает в костях. Ветер обжигал щёки, и каменная крошка хрустела под подошвами, въедаясь в кожу. Здесь не было мягкого света летнего вечера, не было влажного тепла *Равенста*. Только серое небо, низкое и тяжёлое, да горы, сжимающие долину с трёх сторон. Их склоны уходили вверх, к острым пикам, а у подножия лепились строения — низкие, приземистые, сложенные из тёмного камня, который в лучах утреннего солнца отливал тусклой медью.

Мы шли уже второй день. *Мелантир* сменил свой серый плащ на длинный сюртук из плотной шерсти, и теперь, когда он шёл впереди, я замечала, как его бронзовые волосы сливаются с отблесками медных жил в скалах.

— Не отставай, — бросил он через плечо. — К вечеру будем на месте.

Я прибавила шаг. Ноги гудели, но я уже привыкла к боли. После всего, что случилось в лесу, эта дорога казалась почти отдыхом.

— Что за место? — спросила я. — Твой дом?

Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Моя сестра назвала бы это иначе. Цитадель. Оплот. Сердце *Бронзовых земель*.

— А ты как называешь?

Он остановился, и я на миг увидела его лицо в профиль — острое, красивое, с глазами, которые в сумраке горели тусклым золотом.

— Я бы назвал как и ты. *Домом*. Но это слово здесь почти не используют.

Мы пошли дальше. Дорога вилась между скал, и чем выше мы поднимались, тем сильнее менялся воздух. Он становился суше, острее, и в нём чувствовался металл — тот самый привкус бронзы, который преследовал меня с того момента, как я переступила барьер.

Город открылся неожиданно. Мы вышли из ущелья, и я замерла.

Он стоял на террасах, прямо между хребтами гор, окружённый со всех сторон. Солнце, пробиваясь сквозь разрывы туч, выхватывало из сумрака медные кровли и шпили, заставляя их гореть, как угли. Дома теснились друг к другу, их стены из тёмного камня с медными прожилками уходили вверх, к цитадели, которая венчала вершину. Башни, колоннады, узкие улицы, лестницы, высеченные в камне. Всё было построено так давно, что казалось, само время застыло в этих стенах.

Но больше всего меня поразило другое.

Везде, куда ни глянь, стояли статуи. Не богов, не героев. Старики и старухи с глубокими морщинами, согбенные, опирающиеся на посохи. У всех — острые уши. Их лица бы-

ли высечены с такой точностью, что, казалось, они сейчас заговорят. Некоторые изваяния застыли в крике, другие — в молитве, третьи — в безмолвном отчаянии. Тени от их каменных рук падали на тропу, как предостережение. У подножия каждого изваяния лежали медные венки — потускневшие от времени, но всё ещё блестящие на сгибах. А дальше, за ними, виднелись склепы — низкие каменные строения, вросшие в скалу, с полустёртыми надписями на древнем языке.

— Что это? — спросила я, когда мы проходили мимо очередной такой статуи.

— Дань нашим предкам, — ответил *Мелантир*. — Тем, кто построил это место. И пал за него.

Я бросила быстрый взгляд на него.

— За её окончание, — он продолжил идти. — Те, кто заключил договор с Водной девой. Они отдали свои силы, чтобы создать барьер. И теперь мы платим.

— Платите чем?

Он долго смотрел на меня, прежде чем ответить.

— *Всем, что у нас есть.*

Цитадель оказалась ещё выше, чем я думала. Мы поднимались по ступеням, вырубленным в скале, и каждый раз, когда я оглядывалась, город внизу становился всё меньше, а небо — всё ближе. Ветер здесь свистел особенно зло, заби-

раясь под одежду и выстукивая дробь на медных доспехах стражников.

Внутренний двор был пуст, если не считать нескольких стражников у ворот. Они носили лёгкие доспехи из потемневшей меди, и их лица под шлемами казались вытянутыми, с острыми подбородками и узкими глазами. Когда мы проходили мимо, один из них склонил голову, и я заметила, что его кожа отливала зеленью, как старая бронза, а изо рта торчали огромные клыки. От них пахло железом и сыростью — запахом, который я запомнила навсегда.

— Не смотри так пристально, — шепнул *Мелантир*, беря меня под локоть. — Некоторые из них помнят времена, когда ваш народ ещё не умел писать.

Я отвела взгляд, но внутри всё сжалось. В этих стенах я была не просто чужой. Я была чем-то из сказок — пугающим и жалким одновременно.

Нас встретили в большом зале. Колонны здесь уходили вверх, теряясь в сумраке, а пол был выложен медными плитами, на которых время оставило зелёные разводы. Своды зала терялись в темноте, и казалось, что мы стоим на дне каменного колодца, а где-то наверху едва теплится свет. Вдоль стен стояли те же статуи, что и в городе, но здесь их лица смотрели не вперёд, а вниз — на тех, кто проходил мимо.

— Королева примет тебя позже, — сказал *Мелантир*, когда мы остановились перед высокими дверьми. — Она занята.

— Она лично должна принять мой *оброк*? — спросила я, поёжившись.

— Твой *оброк* принят с момента, как ты перешла барьер. Но только королева может дать тебе назначение.

Он сказал это так спокойно, словно речь шла о погоде.

— Очень вероятно, что тебя пристроят при дворце. Так что мы будем видеться чаще, — он улыбнулся. По-настоящему, приветливо.

— А ты живёшь во дворце?

— Время от времени. — Он пожал плечами и неожиданно подмигнул: — Но теперь я буду здесь чаще. Кто-то же должен присматривать за тобой.

Я не нашлась с ответом, только кровь прилила к моему смущённому лицу.

— Пойдём, — он вновь взял меня под локоть и повёл к боковой лестнице. — Покажу твои комнаты. И познакомлю с прислугой.

— С прислугой? — я остановилась. — Зачем мне прислуга?

Мелантир обернулся, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Ты теперь при дворе. У каждой гостыи есть своя служанка.

— Разве я не сама — служанка? — спросила я, чувствуя, как глупо это звучало. — Я пришла служить, а не чтобы мне прислуживали.

Он рассмеялся — тихо, почти ласково.

— *Лирия*, ты пришла на *оброк*. Твоя служба — *быть здесь*. А всё остальное — это наши порядки. Не спорь.

Я хотела возразить, но он уже двинулся вперёд, увлекая меня за собой.

Мы поднялись на третий этаж, где коридоры были уже и светлее. *Мелантип* остановился перед дверью, украшенной резьбой по меди. Лампы на стенах горели ровным жёлтым светом, не давая теней, и от этого казалось, что время здесь застыло.

— Это твоя комната. Запомни дорогу — потом будешь сама находить.

Я оглянулась на бесконечные переходы, одинаковые повороты, и внутри всё сжалось.

— Я заблужусь, — честно сказала я.

— На первое время с тобой будет служанка. Она покажет, где что. — Он открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Комната оказалась небольшой, но уютной. Узкое окно выходило на горы, в камине уже потрескивали дрова, запах сухой древесины и лёгкого дыма наполнил лёгкие, напомнив почему-то о доме. На столе стоял кувшин с водой и тарелка с фруктами. Покрывало на кровати было шерстяным, грубоватым на ощупь, но тёплым.

— Здесь холодно, — заметила я, потирая руки.

— В *Бронзовых землях* всегда холодно. Мы же в горах. Привыкнешь.

Я подошла к окну. Внизу, далеко в ущелье, виднелись огни города. Они мерцали ровно, без дрожи, будто внутри каждого фонаря горел маленький кусочек заката.

— А свет? — спросила я. — У вас он везде такой?

— Электричество, — усмехнулся *Мелантир*. — Мы давно перестали жечь свечи. Но об этом лучше спросишь у тех, кто это придумал. Я только пользуюсь.

Он подошёл к стене и нажал на белую коробку. Свет погас, я удивлённо заморгала, но щелчок повторился, и свет загорелся снова.

— Вот так.

В дверь тихо постучали.

— Войди, — сказал *Мелантир*.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла девушка. Невысокая, с рыжеватыми волосами, собранными в пучок. У неё были козлиные ноги, покрытые короткой шерстью, и два маленьких рожка, выглядывающих из-под волос. Она ступала на удивление тихо — только мягкое пощёлкивание копыт по каменному полу. Она держала в руках стопку белья и смотрела на меня с любопытством.

— Это *Бри*, — представил *Мелантир*. — Она будет прислуживать тебе.

— Госпожа, — *Бри* сделала реверанс, и её жёлтые глаза с вертикальным зрачком блеснули. Пахло от неё сухими травами и немного — хлебом, но не противно, а как-то домашнему.

— Я не госпожа, — машинально поправила я.

Бри моргнула, перевела взгляд на *Мелантира*. Тот кивнул.

— *Лирия*, — сказал он мягко. — Если королева не распорядится по-другому, ты наша гостья. А у гостей всегда есть те, кто за ними ухаживает. Не думай об этом слишком много.

Я посмотрела на *Бри*. Она была странной, не похожей на тех *фэйри*, что я видела по пути сюда, но в её взгляде не было ничего угрожающего.

— Хорошо, — выдохнула я, отвесив ответный реверанс, как меня учили. — Приятно познакомиться, *Бри*.

Девушка улыбнулась, и в улыбке мелькнули мелкие острые зубы.

— Вам нужно отдохнуть с дороги. Я принесу горячей воды и сменю постель.

Она выскользнула за дверь.

— Она кто? — спросила я.

— *Фавна*, — ответил *Мелантир*, усаживаясь на подоконник. — Один из народов, что живут в этих землях. Не пугайся её. *Бри* добрая и преданная. Она поможет тебе освоиться.

— Я думала, что все *фэйри* — я запнулась.

— Похожи на меня? — *Мелантир* усмехнулся. — Нет. Мой народ — только одна ветвь. Здесь много таких, кого вы, смертные, даже не упоминаете в своих сказках. Гномы, спрайты, фавны, сильваны... У каждого свои обычаи, своё лицо. И все они служат королеве.

Я резко сморщилась, прижав руки к груди.

— Как и та ужасная штука в лесу? Что убила Улью и остальных. Она тоже служит королеве?

— Таких называют *стриксами*. Нет, они не служат никому. Они *нечисты*, — ответил он с презрением. — Движимы только голодом и свободно перемещаются между королевствами. Их боимся даже мы, и тебе стоит.

С этим проблем не было. Я всё ещё пребывала в ужасе от встречи с ней.

— Между королевствами? Вашим и королевством людей? — спросила я недоуменно.

— В основном между нашими королевствами, — пояснил он. — Земли за барьером не все принадлежат одному правителю. Есть ещё несколько королевств. Но мы соблюдаем с ними нейтралитет. По правде сказать, они полностью отражают то, что вы, люди, говорите о *ложно-бессмертных*.

Я сглотнула. Значит, *стриксы* и другие «нечистые» — не самое страшное. О *ложно-бессмертных* рассказывали много ужасного, но даже «*Писание Первых*» содержало описания зверств, чинимых ими во время *Первых войн*.

— Но никто никогда не приходил к нам, — я наклонила голову. — До тебя.

— Уверен, что приходили и другие. Просто использовали *сотворение*, и вы их не отличили от людей. Простого купца или костореза сложно заподозрить, если не знаешь, на что обращать внимание. — Он слегка усмехнулся. — Нам тоже интересно посмотреть, как вы живёте.

— Мне ты сразу показался странным. Ещё там, на рынке,

— мои губы слегка изогнулись.

Его улыбка стала открыто нахальной.

— Только не говори, что именно из-за этого ты пришла.

— Нет, конечно нет. — Щёки вспыхнули. Но мысли вернулись к барьеру. — Так получается, ты в любой момент можешь перейти барьер, а я нет?

Мелантир прислонился к стене, скрестив руки на груди.

— Это немного сложнее. — Он перевёл взгляд в окно.

— Наше время также ограничено. Раз в десять лет ближе к *Рахме* открывается проход, иногда на пару дней, иногда на пару недель, как вышло сейчас. — Он посмотрел на меня с полной серьёзностью. — Но мы тратим очень много сил на переход. Наверняка и та *стрикса* приложила немало усилий.

Он разжал ладонь, и на его руке вспыхнул крошечный огонёк.

— А людям это и вовсе не под силу — перейти границу вне момента полного открытия барьера

Он продолжал говорить, но я уже не слышала. Сердце бешено застучало. Вот она, *магия*. То, что отличало меня и его. Даже его превращение после барьера не пугало так, как этот противоестественный огонёк.

— *Лирия*? — он заметил мою оторопелость.

— *Убери*, — не своим голосом прохрипела я. — *Убери это*.

Огонёк тут же исчез. На лице *Мелантира* отразилась

странная эмоция, как будто ему было больно. Но она быстро сгладилась.

— Убрал. Видишь? — он продемонстрировал пустую ладонь. — Извини. Пугать тебя не входило в мои планы.

Я выдержала паузу, сумела загнать страх подальше.

— Не делай так больше. Пожалуйста.

Он кивнул.

— Не буду. Но ничего не могу обещать за остальных. — Он отлепился от стены. — Тебе нужно отдохнуть, прежде чем предстанешь перед королевой.

Мелантир подошёл к двери, но я окликнула его.

— Спасибо, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — За то что ты здесь. Терпелив ко мне.

Он улыбнулся — той самой улыбкой, от которой моё сердце пропустило удар.

— Я же обещал, что буду рядом. — Он открыл дверь. — Отдыхай, *Лирия*. Завтра начнётся твоя новая жизнь.

Дверь закрылась, и я осталась одна.

Я подошла к кровати и села на край, проводя рукой по мягкому покрывалу. Шерсть щекотала пальцы, а внизу, в кровати, чувствовались пружины. Всё это казалось неправильным. Я пришла служить, а мне выделили комнату и дали служанку. Что-то было в этом странное.

В дверь снова постучали.

— Войдите, — сказала я.

Бри вошла с кувшином горячей воды. Она ловко постави-

ла его на столик, достала из шкафа чистое полотенце. Но я уже старалась отойти от неё как можно дальше. Мало ли какие силы были у этой фавны.

— Я принесла, чтобы вы могли умыться, госпожа *Лирия*. Платье тоже нужно сменить, я подобрала что-то из одежды, что носили другие девушки

Она запнулась, и я насторожилась.

— Другие девушки? — переспросила я. — Те, что приходили на *оброк* до меня?

Бри опустила глаза.

— Да, госпожа. Их вещи остались. Никто не знал, что с ними делать, и королева велела хранить. На случай, если придут новые.

— А где они сейчас? Те девушки? — спросила я, хотя уже боялась ответа. Даже не будучи уверенной, что он будет правдивым.

Бри покачала головой.

— Я не так долго служу здесь. Точно не могу сказать. Но... — она подняла на меня свои жёлтые глаза, — говорят, что они служат. В разных местах. Попали на разные назначения.

Я вспомнила *Улью*, вспомнила её лицо, когда она просила меня бежать. Сжала руки в кулаки.

— Ты знаешь, куда могут меня назначить, если королева не оставит меня при дворе? Куда отправили последнюю девушку?

Бри испуганно замотала головой.

— Я знать не знаю, госпожа, — заблелая она. — Решения королевы мы не обсуждаем.

Я хотела настаивать, но поняла, что от этой девушки ничего не добьюсь. Она просто выполняла приказы.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо за воду. Я сама.

Бри поклонилась и вышла, оставив меня наедине с мыслями.

Я смотрела на горы за окном, на огни города внизу, и думала о том, что здесь, в этом холодном, чужом месте, всё не так, как я представляла. И чем больше я узнавала, тем меньше понимала.

Мне вспомнились слова самого *Мелантира* на рынке: «*Вы думаете, девушки, ушедшие за Гряду, и вправду служат?*» Правда ли, что он таким образом хотел отговорить нас идти на *оброк*? Или это было приоткрытием завесы тайн ритуала?

Но одно я знала точно: я выживу. Я узнаю, что случилось с теми, кто был до меня. И, быть может, однажды я смогу рассказать *Элеонор*, что со мной всё хорошо.

А пока — я зажмурилась, прогоняя слёзы, и легла на мягкую постель, впервые за много дней чувствуя, что могу позволить себе отдохнуть.

Глава 7

Я проснулась от холода.

Не того утреннего холодка, от которого хочется глубже зарыться в одеяло, а настоящего, пронизывающего — такого, что пробирается сквозь шерсть, сквозь кожу, оседает в костях. Даже под толстым одеялом, даже в закрытой комнате с камином, который ещё дымил, но почти прогорел. Окно затянуло инеем, и сквозь мутное стекло пробивался серый, безжизненный свет, делая всё вокруг плоским, нереальным — будто я всё ещё спала и видела тяжёлый сон.

Я села на кровати, и в ту же секунду дверь тихо скрипнула. — Вы проснулись, госпожа, — раздался голос *Бри*.

Она уже стояла в комнате. С медным кувшином в руках, из которого тянуло паром. Я не слышала, как она вошла. Её копытца не издавали ни звука на каменном полу — только мягкое, почти неслышное поскрипывание. И это бесшумное появление каждый раз заставляло меня вздрагивать.

Меня начинала напрягать эта неестественная услужливость. Слишком много лет я прожила без слуг, слишком хорошо помнила, как мы с *Элеонор* сами вытирали пыль и мыли полы. А теперь какая-то фавна подаёт мне воду для умывания, и я должна делать вид, что это нормально.

— Как вы спали? — спросила она, ловко разливая воду в таз.

— Странно, — ответила я честно.

Тяжело. Во сне я слышала плач *Элеонор*. Её голос пробивался сквозь темноту, но я не могла найти сестру, хоть и звала её. Вокруг была только тьма и звук шагов по камню. На сердце до сих пор лежал камень — холодный, тяжёлый. Но говорить об этом фавне не стоило. Она не моя подруга, не наперсница. Она просто служанка, которая делает свою работу.

Бри кивнула, будто это был самый обычный ответ.

— Вам нужно одеться к аудиенции. Королева примет вас сегодня.

Сердце пропустило удар. Потом забилось чаще, где-то в горле.

— Сегодня?

— В течение дня, госпожа. Я приготовила платье.

Она указала на спинку стула. Я проследила за её жестом и замерла.

Там висело платье. Длинное, из плотной шерсти насыщенного бронзового цвета, с высоким воротом и длинными рукавами. Оно выглядело дорогим — слишком дорогим. Тяжёлая ткань, аккуратные швы, тонкая вышивка по вороту. Я подошла, провела пальцами по ткани. Она была мягкой, прохладной, но под пальцами чувствовалась основательность — такое платье носила бы знатная дама, а не служанка.

— Это — я подняла его, разглядывая в сером свете. — Платья, которые носили другие девушки с *оброка*?

— Да, госпожа, — ответила *Бри*. Её голос был ровным, но я заметила, как она отвела глаза.

— Которые приходили на службу к бессмертным? — в моём голосе отчётливо звучало недоверие.

— Да, — уже не так уверенно подтвердила она.

— Какую работу можно в нём выполнить? Уж явно не физическую, — я прищурилась, и ткань хрустнула в моих пальцах.

— Вы предстанете перед королевой. Вам нужно её впечатлить, если хотите остаться здесь.

Вот как. Я поджала губы. Хоть что-то для меня прояснилось: здесь тоже оценивали по одежде, хоть и не так, как в *Равенсте*. Там бедность была видна сразу — по потрёпанным юбкам, по блёклым лентам в волосах. Здесь же мне давали роскошь, выставляемую напоказ.

Я оделась молча. *Бри* помогла зашнуровать корсет — он был тесным, но не до боли, а так, чтобы придать фигуре ту самую «благородную» осанку. Потом она заплела мои волосы в тугую косу, вплетая тонкую медную ленту, которая холодными змейками скользила между прядями. Мои волосы, всегда такие тёмно-русые, выгоревшие на концах до золотистых прядей, сейчас блестели в тусклом свете — чистота и порядок, которых я давно не знала.

В небольшом зеркале на стене я увидела себя. Голубые глаза смотрели из-под усталых век, но взгляд был твёрдым. В этом платье я казалась старше. И чуждой самой себе.

— Готово, — сказала *Бри*, отступая на шаг. — Вы красивая, госпожа.

— *Лирия*, — поправила я. — Просто *Лирия*.

Она улыбнулась мягко, но ничего не ответила.

Стражник в потемневшей меди ждал у двери. Он молча кивнул, и мы двинулись по коридору. Я поспешила следом, стараясь запомнить повороты — налево, потом направо, снова налево, — но вскоре сдалась. Всё здесь было одинаковым: высокие своды, электрические лампы, стены с горельефами, на которых я не успевала разглядеть детали.

Мы спустились по длинной витой лестнице. Камень под ногами был холодным, но гладким — выточенным веками чужих шагов. Перила из тёмного дерева холодили ладонь. Стены здесь украшали другие изображения: кузнецы с молотами, фигуры с крыльями, переплетённые лозы, странные символы, похожие на руны.

Чем ближе мы подходили к центру цитадели, тем громче становился гул. Звон металла, смех, грубые выкрики, ритмичный бой барабанов — от него вибрировали рёбра. Гул нарастал как прибой, и когда стражник остановился перед двустворчатыми дверями, обитыми кожей и бронзой, я на секунду замерла, собираясь с духом.

Он толкнул створки, и меня ударило волной жара и запахов. Жареное мясо, пряности, пролитое вино, пот и дым — всё это смешалось в густой, почти осязаемый воздух.

Зал был огромен. Колонны уходили вверх, в сумрак, теряясь где-то под потолком. Между ними, на длинных столах, ломившихся от яств, пировали сотни существ. Я узнавала некоторых — из детских книжек, из страшилок *Ани*, из «*Писания первых*». Гномы с бородами, заплетёнными в кольца и утяжелёнными металлическими бубенцами, стучали кружками о доски. *Фэйри* с прозрачными, как крылья стрекоз, конечностями перелетали от стола к столу, разливая вино. В дальнем углу я заметила существ, похожих на русалок, но вместо хвостов у них были мощные, покрытые чешуёй ноги; они смеялись, запрокидывая головы.

Кто-то рыгнул в такт барабанам. Кто-то выкрикнул пошлую прибаутку, от которой зал взревел хохотом. У одной из колонн высокая беловолосая *фэйка* прижималась к огромному троллю, чья кожа напоминала кору векового дуба. Она прижималась к нему практически всем телом, которое было прикрыто платьем лишь номинально: грудь, с ярко-розовым соском на бледной коже, была открыта совершенно. Ткань переплеталась в узел между тяжёлых грудей и спускалась вниз, распадаясь на серебряные ленты, которые ровным счётом ничего не скрывали.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам. В своём строгом бронзовом платье я ощущала себя послушницей храма *Водной девы*.

Это не было похоже на благочестивый пир. В *Равенсте* даже во время *Рахмы* всё было более прилично. Здесь же вак-

ханалия плескалась через край, смывая границы приличий в вине и смехе.

— Следуйте за мной, — бросил стражник, не оборачиваясь.

Я выпрямила спину и пошла.

Мы направились сквозь толпу. Никто не обращал на меня внимания. Для них я была просто тенью, очередной жертвой, принесённой к порогу. Их даже не интересовало моё лицо — только то, что я не *фэйри*, а значит, не стоящая внимания пешка.

Трон стоял в конце зала, на высокой платформе. Он был вырезан из цельного куска тёмного камня, в котором мерцали медные прожилки, словно вены под кожей. На нём, слегка откинувшись на спинку, сидела она.

Королева.

Я ожидала увидеть старуху с посохом или ледяную ведьму из сказок. Но передо мной была девушка — на вид не старше двадцати. Её лицо было безупречно гладким, с высокими скулами и тонкими, надменно поджатыми губами. Бронзовые волосы спадали на плечи тяжёлой, почти живой волной. Из-под прядей у висков вились два изящных, витых рога, похожие на отполированный янтарь.

Но её глаза они были старыми. Нечеловечески старыми. В них не было ни тепла, ни любопытства. Только холодная оценка.

Она смотрела на свадебную церемонию двух гномов без

всякого интереса — просто ждала, когда это закончится. А потом заметила меня. Ни одна эмоция не отразилась на её лице, но изящный пальчик поднялся вверх, обрывая речь гнома в самый разгар тоста.

Все замерли. Сотни глаз уставились на меня. Тишина повисла тяжёлой, липкой пеленой, под которой я чувствовала кожей каждый взгляд.

— Смертная, пришедшая к нам по *оброку*, — голос Королевы прозвучал ровно, без тепла, но и без грубости. Чистый, как звон колокола. Она поманила пальцем. — Подойди.

Я шагнула вперёд, и ноги чуть не подкосились — не от страха, а от неловкости. Я не знала, куда смотреть, как держать руки. Короткий, жёсткий тычок в спину от стража вернул меня в реальность. Я встала прямо, сделала реверанс — тот самый, которому мать учила нас в детстве, когда мы ещё надеялись на лучшее будущее.

Все замерли в молчании. Королева смотрела на меня неотрывно. Я постаралась что-то сказать, но все слова вылетели из головы, оставив только сухой, горький ком в горле.

— Моя королева? — вмешался знакомый голос.

Я покосилась на трон — за ним стояла стража, но *Мелантира* рядом не было. *Где он?* Мысль кольнула остро, как игла. Я пробежалась глазами по залу, ища знакомый силуэт — потемневшую медь, серый плащ. Но не нашла.

Зато увидела за главным столом, подле королевы, темно-синий сюртук на широкой спине и копну собранных в вы-

сокий хвост каштановых волос — с таким знакомым медным отливом. Он сидел лицом к королеве, спиной ко мне. И когда она перевела на него взгляд, я поняла: это был он.

— Желаешь представить её, *Мелантир*? У девчонки нет языка?

— Язык у неё есть, и он острее, чем вы ожидаете, Ваше Величество, — ответил он, и в его голосе прозвучало веселье. По залу прокатился смешок. — Это *Лирия* из *Равенста*.

Королева не улыбнулась. Её взгляд вернулся ко мне, цепкий, оценивающий.

— У тебя есть родовое имя, *Лирия* из *Равенста*? — спросила она, чуть прищурившись.

Я посмотрела в её глаза. Они были похожи на глаза *Мелантира* — редкое сочетание янтарных искр в тёмной глубине. *Они родственники?*

— *Эрейдер*, — прохрипела я, не узнавая собственный голос. Я прочистила горло, стараясь придать словам твёрдость. — *Лирия Эрейдер*, Ваше Величество.

Королева слегка подалась вперёд, бросила быстрый взгляд на *Мелантира*. Что-то мелькнуло в её глазах — может, удивление, но она тут же скрыла его за маской безразличия. Затем она потерла ладони — жест, который я не смогла прочитать.

— Что ж, *Лирия Эрейдер*, мы благодарим тебя за твою жертву, — произнесла она без тени тепла. — Ты знаешь, что должна получить назначение на службу здесь?

— Да, мне сообщили об этом, — я покосилась на спину *Мелантира*. — Я готова служить вам.

— Это был твой добровольный выбор? Пойти на *оброк*?
— впервые в её голосе прозвучало что-то похожее на интерес.

Я кивнула, потом спохватилась и ответила вслух.

— Да. Это было моё добровольное решение.

— Как и у второй девушки, — воздух вокруг меня стал тяжёлым. — Мне доложили, что она и людская стража погибли в лесу.

Я заставила себя выдохнуть. Горло сжалось.

— Да. Погибла.

Больше я ничего не смогла добавить. Перед глазами снова встала та картина — голова *Ульи* у моих ног, её открытые, ничего не видящие глаза. Кровь, брызнувшая на лицо. Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не рыдаться.

Королева кивнула. На мгновение мне показалось, что в её глазах мелькнуло сочувствие — но оно исчезло так быстро, что я не была уверена, не показалось ли.

— Жаль. Её семья получила монеты. Это всё, что мы можем сделать.

Она помолчала. Я чувствовала на себе сотни взглядов — не злых, не любопытных, а просто оценивающих. Как будто они решали, сколько я протяну.

— Ты будешь служить на кухне, — сказала королева. —

Работа несложная. Тебе там покажут, что нужно делать.

Я ждала, что она скажет ещё что-то. Спросит, зачем я пришла, чего хочу, может быть, вспомнит, что я — человек, который только что потерял подругу. Но она только махнула рукой — жест, недвусмысленный и окончательный. Аудиенция окончена.

Я поклонилась и вышла следом за стражником. *Мелантир* даже не обернулся.

Стражник в потемневшей меди молча вывел меня из тронного зала. Гул пира остался за тяжёлыми дверями, как волны, разбивающиеся о скалу. Тишина коридора показалась мне почти благословением — такой желанной, что я выдохнула и только тогда заметила, что всё это время почти не дышала.

— Кухня в северном крыле, — сказал стражник, не оборачиваясь. — Идите за мной.

Я пошла, стараясь запомнить дорогу. Но мысли путались. Королева отправила меня на кухню. Не в услужение к знатной даме, не в прачечную — на кухню. «*Работа несложная*», — сказала она. Интересно, что эти бессмертные считают несложной работой? Чистить овощи до кровавых мозолей? Стоять у печи, пока не начнёт ломить спину?

Мы спустились по узкой винтовой лестнице. Воздух стал теплее, тяжелее от запахов. Жареное мясо, пряные травы, дрожжевое тесто — от всего этого у меня заурчало в животе,

и я почувствовала себя глупо. И какой-то сладкий приторный аромат, похожий на мёд с корицей. Где-то внизу звенела посуда, слышались голоса — негромкие, деловые. Никто не смеялся. Здесь работали, а не пировали.

— Сюда, — стражник толкнул дверь, и я шагнула в жерло кухни.

Это был не просто зал. Это было царство огня и металла. Огромные печи из чёрного камня пылали вдоль стен, их жар бил в лицо сухим, обжигающим дыханием. Над ними шипели и булькали медные котлы, подвешенные на толстых цепях. Длинные столы ломились от снеди: горы овощей, тушки птиц, разделанные рыбины с остекленевшими глазами, бочонки с маслом и вином.

По каменному полу, выщербленному веками, сновали десятки существ. *Фавны* с козлиными ногами, низкорослые коренастые гномы в кожаных фартуках, несколько *фэйри* с острыми ушами и сосредоточенными лицами.

Все они работали молча, быстро, слаженно — как единый механизм, как муравьи в растревоженном муравейнике. На меня они даже не смотрели.

Я замерла на пороге, чувствуя себя лишней. Ненужной. Ошибкой.

— Новенькая? — раздался скрипучий голос.

Ко мне подошла женщина. Точнее, я поняла, что это женщина, только когда она подняла голову. Она была невысокой, с широкими бёдрами и мощными руками, а её лицо пе-

ресекал глубокий шрам — от виска до подбородка, через всё лицо, бледный и неровный. Волосы, седые и жёсткие, были стянуты в пучок на затылке. Уши — заострённые, как у всех *фэйри*, но одно было надорвано, будто кто-то откусил половину.

— Я да, — ответила я. — Меня прислала королева.

— Знаю. — Женщина окинула меня цепким взглядом. — Смертная, значит. И что ты умеешь?

— Готовить. Чистить овощи. Месить тесто, — перечислила я, стараясь говорить уверенно.

— Хорошо. — Она кивнула в сторону одного из столов, где горой лежала морковь и лук. — Вон там морковь и лук. Очистишь.

Я кивнула, подошла к столу, взяла нож. Он был тяжёлым, но лезвие оказалось острым, и это меня успокоило — острое оружие я понимала лучше, чем эти их электрические лампы и бесшумных фавнов.

Морковь здесь была непривычно оранжевой — такой яркой, что почти светилась в полумраке. Лук — огромным, с фиолетовой шелухой, пахнувшей резко и горько. Я чистила и резала, стараясь не думать о том, где я и что со мной будет дальше. Но мысли всё равно возвращались.

«Мелантир. Косторез. Фэйри. Он привёл меня сюда, а даже не обернулся, когда королева отправила меня на кухню. Вот и его обещание быть рядом.»

От этой мысли стало горько. Я встряхнула головой и при-

нялась чистить лук с удвоенной силой.

— Не плачь, — сказала кухарка, проходя мимо. — Лук злой сегодня.

Я не плакала. Но глаза действительно защипало.

Не знаю, сколько прошло времени. Мои пальцы онемели, передо мной выросла гора очищенных овощей. Я уже начала привыкать к ритму кухни: гномы выкрикивали заказы, фавны разносили котлы, в воздухе всё так же пахло жареным мясом и пряностями. И вдруг в дверях появилась *Бри*.

— Госпожа *Лирия*, — позвала она, махнув рукой. — Вас зовут.

— Кто? — я вытерла руки о передник.

— Господин *Мелантир*. Он ждёт вас в малой гостиной.

Сердце дёрнулось. Я бросила взгляд на кухарку со шрамом — та переглядывалась с каким-то фавном, недовольно поджав губы. Её лицо ничего не выражало, но я заметила, как она сжала половник.

— Ничего, если я отойду?

— Незачем заставлять господина ждать, — бросила она, махнув рукой.

Мелантир занимал настолько важное положение здесь, что может прервать мою работу? Или дело было не в положении, а во чём-то ещё? Я сняла передник, поправила платье и вышла следом за *Бри*.

Малая гостиная оказалась уютной комнатой — настолько уютной, что это казалось почти неправильным. Камин, в котором весело потрескивали дрова, металлические дрова, дающие ровный жар. Низкий столик из тёмного дерева. Два кресла, утопающих в подушках. На столике стоял поднос с фруктами — диковинными, каких я не видела даже на рынке в *Равенсте*, — и кувшин. Из кувшина пахло яблоками и корицей, сладко и уютно.

Мелантир сидел в кресле у окна, положив ногу на ногу. Он переоделся: простая льняная рубашка с расстёгнутым воротом, тёмные штаны, волосы влажными прядями падали на плечи. Без сюртука и плаща он казался моложе — и почти обычным. *Почти*. Уши всё равно оставались острыми, глаза всё равно светились в сумраке золотом.

— Садись, — сказал он, кивнув на соседнее кресло. — Ты, наверное, устала.

— Немного, — призналась я, опускаясь в мягкое кресло. Оно оказалось удивительно удобным — тело провалилось в подушки, и я с трудом удержалась от того, чтобы не закрыть глаза. — Что это за место?

— Мои личные покои, — он улыбнулся, и в глазах мелькнуло что-то тёплое. — Не бойся, я не кусаюсь. Если только ты сама не попросишь.

Я не поняла, шутит он или нет, и предпочла сменить тему. Мои глаза выхватили несколько резных фигурок из кости, стоящих на камине. Почти такие же, как та, что всё ещё

лежала на дне моей котомки. Его работа.

— Королева отправила меня на кухню, — сказала я, возвращаясь к прерванному разговору.

— Я знаю. Я был там. — Он налил из кувшина в два бокала — золотистую жидкость, пахнущую яблоками и чем-то ещё. Протянул мне.

— Я знаю, просто хочу понять почему. На кухне так много людей существ, нет потребности в моём нахождении там.

— Это временно. Она хочет посмотреть, на что ты способна. Не принимай близко к сердцу.

— А что потом?

— Потом — как сложится. Может, останешься при дворе. Может, отправишься в город. — Он сделал глоток. — В любом случае, ты в безопасности. Насколько это возможно в наших землях.

Я принялась к вину — терпкому, сладкому, с нотками пряностей. Сделала глоток. Напиток оказался тёплым, согревающим изнутри, и я почувствовала, как напряжение понемногу отпускает плечи.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За то, что не бросили меня в лесу.

Он пожал плечами.

— Я дал слово. Я его держу. — Он помолчал, глядя на огонь. — Хотя, если честно, я не ожидал, что ты выживешь после встречи со *стриксой*. Ты крепче, чем кажешься.

— Это комплимент?

— Ты против комплиментов? — он наклонил голову.

— В зависимости от того, от кого они исходят.

Его брови опустились, весёлость исчезла.

— Я просто не понимаю, как ты смогла убежать от неё.

Твоим товарищам это не удалось.

Я вздрогнула, вспомнив их крики, хруст костей. Три тени, налетевшие на *существо*. «Если ещё жива — то беги». Сейчас мне казалось, что я всё это выдумала, когда ударилась головой о землю. Или провалилась в бред.

— Я и сама не знаю, — ответила я, отпивая ещё вина. — Это нормально, что ты в первый мой день службы уводишь меня с кухни? Королева не будет сердиться?

Улыбка вернулась на его губы.

— Ты вернёшься туда завтра. Работа никуда не денется. — Его речи всегда звучали расплывчато, но уверенность в голосе внушала надежду. — К тому же у всех слуг после работы есть право отдохнуть. Многие уже сейчас отправятся на пир.

Я удивлённо заморгала.

— На пир? Ещё один?

Он рассмеялся — мягким, бархатным смехом, который, казалось, вибрировал в воздухе.

— Здесь пиры — не редкость. Жители *Бронзовых земель* любят наведываться во дворец. И слуги могут к ним присоединяться. Вы тоже не должны лишаться развлечений.

Я чуть наклонилась вперёд, заглядывая в его янтарные

глаза. Вблизи они казались ещё более нечеловеческими — глубокими, как омуты, в которых тонул свет.

— Но ты всё же не ответил: тебе ничего не будет за то, что ты меня позвал? Работу я не закончила. — Я прищурилась. — Ты — проводник для девушек на *оброк*. Но, судя по всему, положение при дворе у тебя неплохое.

Его улыбка стала шире, поза — вальяжнее. Он выдержал паузу, и я вдруг осознала, что он ловит каждое моё движение.

— Она может мне сделать выговор, но на этом всё и закончится. — Он отпил вина и со стуком поставил бокал на стол. — Впрочем, ей доставляет удовольствие меня поучать при каждой возможности. Это такая сестринская забота.

Я поперхнулась. Конечно, он рассказывал, что у него при дворе живёт сестра. Но он не упомянул, что при *её* — *Ньяду* милостивый! — дворе. В человеческой части *Калуе* не было королей уже очень давно, и условия преемственности в монархии мне были незнакомы. Но даже я понимала, что это значит.

— *Королева — твоя сестра?* — я вжалась в кресло. *Голос сел. Он усмехнулся — не зло, скорее устало. — Сестра. И я — наследник.* Пока королева не обзаведётся своими детьми.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Я распивала вино в покоях наследного принца. С самым наследным принцем. В моём родном городе за такое могли что могли? Я даже не знала. Но мне стало не по себе.

— И тебя отправили рисковать собой через барьер, в мир людей? Почему?

Он пожал плечами, словно это был пустяк.

— Кто-то же должен был. Я достаточно силён, чтобы позаботиться о себе, — он кивнул в мою сторону бокалом, который снова наполнил, — и о тебе тоже. Любая пришедшая девушка теперь считается частью моего народа.

Я сглотнула. «*Частью его народа?*» Я пришла служить, а не становиться

— Не смотри так испуганно, — он усмехнулся. — Это не значит, что тебя заставят выйти замуж или принести в жертву. Это значит, что о тебе будут заботиться. Кормить, одевать, давать крышу над головой. А ты будешь работать — как и все.

— И сколько таких девушек сейчас здесь? — спросила я, вспомнив слова *Бри* о старых платьях.

Мелантир помрачнел. На мгновение его лицо стало чужим, замкнутым — будто он захлопнул дверь перед моим носом.

— До вас с *Ульей* последняя была десять лет назад. Её звали *Мира*. Она и сейчас служит в полях у подножия гор в поселке. — Он отвернулся к окну, и я увидела, как напряглись его плечи. — Не все истории заканчиваются плохо, *Лирия*.

— А где те, кто приходил раньше?

— Некоторые до сих пор здесь. Некоторые ушли. — Он не уточнил, что значит «ушли», и я не стала спрашивать. В

его голосе была такая глухая, непроницаемая тяжесть, что любые вопросы казались кощунством. — Не пытайся узнать всё за один вечер. У тебя будет время.

Он встал, потянулся, и рубашка на миг натянулась на его плечах. Я отвела взгляд, чувствуя, как щёки заливает жаром.

— Тебе пора отдыхать, — сказал он. — Завтра снова на кухню. А послезавтра — ярмарка. Я покажу тебе город.

Я поднялась, чувствуя, как вино слегка кружит голову. Личная экскурсия от принца звучала не так уж плохо, учитывая всё остальное.

— Спокойной ночи, *Мелантир*.

— Спокойной ночи, *Лирия*.

Я вышла в коридор. *Бри* ждала меня у двери с зажжённым фонарём. Медные стенки фонаря были покрыты тонкой резьбой — виноградные лозы, птицы, что-то ещё, что я не успела разглядеть. Жёлтый свет выхватывал из темноты золотые искры — спрайтов, которые носились под потолком, или просто блики на влажном камне.

— Проводить вас в комнату, госпожа?

— Да, — кивнула я. — И, *Бри* ты говорила, что не так давно здесь работаешь. Сколько?

— Пять лет, госпожа.

— И ты говорила, что не знаешь про других девушек, что были до меня, что они служат где-то в полях? Девушка по имени *Мира* тебе не знакома?

Бри опустила глаза и понизила голос — так, что я едва

расслышала.

— Я правда не знакома с ней. Но она жива, госпожа. Работает в полях. Но с ней что-то не так. Её почти не видно, она ни с кем не общается. — Она помолчала, потом добавила ещё тише: — Говорили, что она ребёнка потеряла и замкнулась в себе.

Я замерла. В горле пересохло.

— Ребёнка? Она пришла на *оброк* беременной?

Бри покачала головой и ускорила шаг. Её копытца зацокали чаще — нервно, отрывисто.

— Не знаю, госпожа. Никто не знает наверняка. Только слухи. А слухам здесь не верят. — Она бросила быстрый взгляд через плечо, словно ожидала, что из темноты выступит кто-то, кто накажет её за лишние слова. — И вам не стоит такие вещи спрашивать — по крайней мере, вслух. Нас это не касается. Простите, что сказала лишнее.

— Конечно, — согласилась я, хотя внутри всё заледенело.

Вот только это могло касаться меня. Потому что, если смертная девушка могла забеременеть здесь — от бессмертного — это в корне меняло все наши представления об этом *мире*. И о том, зачем на самом деле нужен *оброк*.

Мы подошли к моей двери. *Бри* отворила её, пропуская меня вперёд. В комнате было тепло — камин ещё не прогорел, дрова потрескивали, отбрасывая на стены пляшущие золотистые блики. Медная лента, которую *Бри* вплела мне в волосы утром, холодной змейкой скользнула по шее, когда я

наклонила голову.

— Вам помочь раздеться, госпожа?

— Нет, спасибо. Иди отдыхай.

Она поклонилась и вышла, притворив дверь. Я слышала, как её копытца зацокали по коридору — удаляясь, затихая, растворяясь в тишине.

Я осталась одна.

Подошла к окну. За толстым, неровным стеклом горели огни города — сотни маленьких жёлтых точек, ровных, немигающих. Электричество. Я всё ещё не привыкла к этому слову. Оно звучало чужеродно, как всё здесь — камни, которые дышали медью, запахи, которые нельзя было назвать, существа, которые смотрели сквозь меня, будто я была призраком.

Может, так оно и было.

Где-то там, далеко за горами, спала *Элеонор*. Не зная, что я жива, но уже узнав, что я никогда не вернусь назад.

Я отошла от окна, разделась, натянула ночную сорочку — шерстяную, грубую, пахнущую лавандой. Легла на кровать, укрылась одеялом. Камин догорал, и последние угли отбрасывали на потолок багровые отсветы, похожие на кровавые разводы.

Я закрыла глаза.

Перед ними всё ещё стояла *Улья*. Её лицо, её слёзы, её голос: «*Беги, Лири*».

Я не побежала.

И теперь я здесь.

«*Что же ты наделала, Лирия Эрейдер?*» — спросила я себя.

Ответа не было.

Только тишина, холод и ровный электрический свет, который просачивался сквозь щель в шторе, ложась на пол жёлтой полосой — как предупреждение, как напоминание, что пути назад нет.

Глава 8

Утро следующего дня началось с того, что *Бри* разбудила меня затемно. Я ещё не успела открыть глаза, а её голос уже звучал где-то рядом — тихий, но настойчивый, как капель, которая точит камень.

— На кухне завтрак готовят с рассветом, госпожа, — сказала она, подавая мне чистое рабочее платье. — *Герда* не любит опозданий.

В коридорах уже горели ровные жёлтые лампы — тот самый *электрический* свет, который я никак не могла принять за обыденность. Он не мерцал, как свечи, не пах маслом, не дымил. Он просто был — ровный, безжалостный, выхватывающий из темноты каждый угол, каждую трещину в камне.

Я натянула одежду, быстро заплела косу — ту самую, которой учила меня *Элеонор*, когда мы были детьми. Её пальцы тогда двигались так же быстро и уверенно, как мои сейчас. Я завязала ленту потуже и вышла.

Бри шла впереди с фонарём, хотя в коридорах и так горели лампы. Но она несла его по привычке — или потому, что без света, исходящего от её собственных рук, она чувствовала себя неуверенно. Копытца почти не стучали по камню — только мягкое, ритмичное пощёлкивание.

Цитадель по утрам казалась совершенно иной. Днём она гудела от голосов, лязга металла, шагов и криков. А сейчас

— тихая, почти пустая, лишь изредка попадались слуги, спешащие по своим делам, или стражник, сменившийся с ночной смены. Воздух был холодным и влажным, пахло камнем и медью.

На кухне уже кипела жизнь. Жар от печей ударил в лицо, и я на мгновение зажмурилась. *Герда* встретила меня у порога — руки в муке, взгляд тяжёлый.

— Опаздываешь на пять минут, смертная. Завтрак для стражи должен быть подан через час. Бери нож и режь лук.

Я взялась за работу без лишних слов.

Она бросила на меня неодобрительный взгляд

— *Руки-то хоть помой.* — она кивнула на металлическую трубу с вентилем. Я подошла к нему с настороженностью. *Герда* вздохнула. — Поверни рычаг.

Я дёрнула за блестящую ручку. Из крана с шумом полилась вода — и она была *горячей!* Я отшатнулась, едва не выронив нож из руки. Несколько капель обожгли мне пальцы.

— Воду не видела? — буркнула гномка, но, заметив мой испуганный взгляд, вздохнула.

— *Это магия, да?* — спросила я. *Герда* фыркнула.

— *Магия? Нет. Это мозги, которых у тебя, видать, нет.* Открутишь вентиль — вода польётся. Никакого сотворения. Трубы под землёй, вода течёт из реки, нагревается в котлах. У нас так на нижних этажах.

— Даже в домах? — спросила я, всё ещё глядя на льющуюся воду, как на чудо.

— Даже в уборных, — фыркнула она. — Что, у вас такого нет?

— Нет, — честно сказала я. — Даже у богатых купцов.

Я открутила другой вентиль, и вода стала теплой. Я вымыла руки под неодобрительный взгляд наставницы. А затем вернулась к нарезке лука.

Пальцы быстро привыкли к движению — чистить, резать, отбрасывать шелуху. Ритм успокаивал. Где-то через час Герда подошла оценить мою работу

Она только хмыкнула и пошла дальше, покачивая головой, а я собралась отмыть потемневшие от луковой шелухи пальцы. Уже более решительно открыла оба вентиля, да только в итоге долго смотрела на воду, текущую саму по себе, по металлической трубе, словно по мановению волшебной палочки. Это было похоже на чудо. Но здесь, как я быстро поняла, чудеса назывались *знаниями*.

С чудесами этого места мне ещё предстояло познакомиться.

К полудню я немного освоилась. Научилась зажигать и гасить электрические лампы на кухне — Бри показала, где кнопки, и я нажала на них с таким трепетом, будто закладывала бомбу. Поняла, что вода бывает не только горячей, но и холодной, и что из другого крана течёт питьевая — чистая, без мути, которая всегда оставалась в наших колодцах после дождей.

Герда оказалась суровой, но справедливой. Она не повышала голоса — ей хватало одного взгляда, чтобы я почувствовала себя нашкодившим ребёнком.

— Режешь криво — переделывай, — говорила она, проходя мимо. — Не умеешь — учись. Смертная ты или нет, а работа должна быть сделана.

Я переделывала. Резала заново. И с каждым разом получалось лучше.

После обеда, когда суета немного улеглась и печи перестали реветь, требуя новой порции дров, в дверях кухни появился *Мелантур*.

Я не сразу заметила его — сначала уловила только движение, тень, скользнувшую по каменному полу. А потом подняла голову и увидела. Он был в простой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках, без сюртука или камзола — и от этого казался моложе, почти таким же, как в тот день на рынке. Только глаза оставались чужими — слишком яркими, слишком внимательными.

— Ты не против, если я украду её на полчаса? — спросил он у *Герды*.

Та бросила на него недовольный взгляд — но кивнула.

— Только чтобы к ужину вернулась, Ваше Высочество.

— Хорошо. Верну в сохранности, — улыбнулся он и направился к выходу.

Я вытерла руки о передник, сняла его и повесила на крючок. *Герда* на меня даже не посмотрела. Где-то за моей спи-

ной гном закричал, что суп подгорает, и кухня снова взорвалась суетой.

Я вышла следом за *Мелантиром*.

Мы направились в другой конец цитадели — туда, где коридоры были шире, своды выше, а воздух пах иначе: не едой и дымом, а сухими травами и старой древесиной. *Мелантир* вёл меня по переходам, которые я ещё не запомнила, и я старалась замечать ориентиры: поворот налево у статуи крылатого зверя, направо мимо гобелена с вытканными золотыми ветвями.

— Куда мы идём? — спросила я.

— В оранжерею. Ты должна это увидеть.

Он толкнул резную дверь из тёмного дерева, и я замерла на пороге.

Внутри было светло. Но не от ламп — от самих растений.

Десятки цветов, кустов и небольших деревьев светились мягким золотистым, синим, зелёным светом. Они переливались, как драгоценные камни, и от каждого исходил свой, особенный аромат. Воздух пах мятой, лавандой, чем-то сладким и терпким, как мёд с травами. Я вдохнула глубоко, и вдруг мне показалось, что я снова стою в нашем саду в *Равенсте*, где собирала ромашку и зверобой.

— Это всё растёт здесь? — спросила я, не веря своим глазам.

— Да. Некоторые растения — только в *Бронзовых землях*. Их нельзя вывезти за барьер.

Я подошла к кусту с мелкими серебряными цветами. Они мерцали, как звёзды, и их лепестки были прохладными на ощупь, будто из тонкого металла.

— *Светиль-трава*, — пояснил *Мелантир*, сорвав лепесток. — Понюхай.

Я поднесла его к носу. Запах был цитрусовым, свежим — таким, от которого хотелось закрыть глаза и улыбнуться.

— Удивительно, — сказала я.

— Здесь много удивительного.

Мы бродили между грядок около часа. *Мелантир* рассказывал о каждом растении — как его выращивать, для чего используют, какие из них ядовиты, а какие лечат. Я слушала, задавала вопросы, и он отвечал — терпеливо, без насмешки, и я поймала себя на мысли, что в такие моменты забываю, кто он.

— Ты не похож на принца, — сказала я, когда мы вышли в коридор и дверь за нами закрылась, отрезав волшебный свет оранжереи.

— А какими должны быть принцы? — он поднял бровь.

— Надменными. Далёкими. Такими, что к ним на аудиенцию записываются за месяц.

Он рассмеялся — искренне, легко.

— У нас всё проще. *Бронзовые земли* — не королевство в вашем понимании. Мы скорее большая семья, где королева — старшая сестра.

— Которая тебя поучает при каждой возможности, —

вспомнила я его слова из прошлого вечера.

— Вот именно. — Он вздохнул с притворной обречённостью. — Так что не завидуй.

Мы остановились у окна, выходящего на город. Внизу кипела жизнь — гномы тащили тележки, фавны перекликались, дети с острыми ушами бегали по мостовой, смеясь и размахивая игрушками.

— А завтра, — сказал *Мелантир*, — я покажу тебе всё это вблизи. Ярмарка. Ты ещё не была на нашей ярмарке.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как внутри поднимается предвкушение — такое же, как в детстве перед *Рахмой*.

— Тогда готовься. — Он подмигнул. — Завтра в полдень я заберу тебя с кухни.

Когда мы вышли в коридор, я заметила в конце анфилады огромные резные двери с окошками под самым потолком. За ними угадывались ряды колонн и бесконечные стеллажи — книги, свитки, пергаменты. Моё сердце пропустило удар.

— А что там? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал небрежно.

— Библиотека, — ответил *Мелантир*, и его голос стал чуть более сдержанным. — Но там нет ничего интересного. Только для учёных и старейшин.

Мы прошли мимо, не задерживаясь.

— Пойдём, я покажу тебе фонтан. Он бьёт прямо из скалы.

Я позволила увести себя, но краем глаза ещё раз посмот-

рела на библиотеку. *Там бы мне как раз хотелось побывать,* — подумала я. Но спрашивать больше не стала.

Мы спустились во внутренний двор цитадели, а затем вышли за ворота — в город. Здесь, среди обычных домов и лавок, *Мелантир* казался почти своим: ни короны, ни стражи, только длинные поля его сюртука развевались на ветру.

Главная площадь оказалась больше, чем я думала. Фонтан в её центре бил вверх на высоту нескольких человеческих ростов, и вода, сверкая на солнце, падала в широкую чашу, высеченную из цельного камня — тёмного, с медными прожилками.

— Мы бросаем их на удачу, — пояснил *Мелантир*. — Говорят, если загадать желание и монета упадёт ровно на дно, не зацепившись за край, оно сбудется.

Я достала из кармана одну из тех жалких железных монет, что остались от *Равенста*. Она была холодной и шершавой, почти такой же, как те, которые мы с *Элеонор* пересчитывали вечерами — и никогда не находили нужной суммы.

Я размахнулась и бросила.

Монета со звоном упала в воду, пошла кругами и коснулась дна в самом центре — не зацепилась ни за край, ни за соседние монеты.

— Загадала? — спросил *Мелантир*.

— Да, — ответила я, не сводя глаз с расходящихся кругов. Я не сказала ему, какое. *Вернуться домой. Увидеть сестру.*

Монета блеснула на дне в последний раз и замерла.

К закату мы поднялись на смотровую башню на окраине города. Я запыхалась, пока карабкалась по крутой винтовой лестнице, но *Мелантир* — ни одной капли пота, ни одного сбитого дыхания.

Отсюда открывался вид на всю долину. Цитадель внизу казалась игрушечной — её башни уходили в небо, но теперь, сверху, они выглядели почти хрупкими, словно кто-то вырезал их из картона и поставил на скалу. Город расплзался серыми и коричневыми пятнами, а за ним, на горизонте, вставали горы — синие, далёкие, почти сливающиеся с небом.

— Здесь красиво, — сказала я.

— Да, — ответил он.

Я повернула голову и заметила, что смотрит он на меня.

Смущение кольнуло где-то в груди — острое, неожиданное, как удар иглы. Я знала, *что* это было. Мне доводилось флиртовать с мужчинами — с тем же *Найтаном*, братом *Ульи*. Мы часто перебрасывались шутками на рынке, я ловила его взгляды и отвечала улыбками. Но дальше этого дело не заходило. Серьёзные женихи обходили наш дом стороной — репутация *Элеонор*, молодой вдовы с долгами, пугала их. А с несостоятельными мужчинами я не могла сойтись сама: поместье требовало больших вложений, содержать мою семью было бы невозможно. Так я и осталась в подвешенном состоянии — достаточно смелая для лёгкого флирта, но совершенно неопытная в том, что идёт дальше.

Но *Мелантир* был не просто мужчиной. Он был *фэйри*. К тому же принцем этого королевства, где я была всего лишь служанкой.

— Ты слишком часто на меня смотришь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала.

— А ты слишком часто отводишь взгляд.

Ветер трепал наши волосы. Его — каштановые, с бронзовым отливом, мои — тёмно-русые, выгоревшие за лето до золотистых прядей. *Мелантир* мягко убрал прядь с моего лица, и его пальцы были тёплыми, почти горячими.

Я позволила ему это сделать — на секунду. А затем сделала шаг назад, наступая на неровный камень и едва не потеряв равновесие.

— Наверное, нам нужно идти. Уже поздно, *Герда* наверняка заждалась.

Он кивнул. Его лицо снова стало непроницаемым — тем самым, которое я видела на аудиенции у королевы. Холодное, чужое.

— Как пожелаешь.

Мы двинулись обратно. Всю дорогу до цитадели я чувствовала его присутствие за спиной — тяжёлое, внимательное — и не оборачивалась.

Ужин я почти не помню. *Герда* ворчала, что суп остыл, но я ела молча, глядя в тарелку, и не слышала ни слова. В голове крутились обрывки нашего разговора, его взгляд, то,

как он убрал прядь с моего лица.

И как я отстранилась.

*«Правильно сделала, — сказала я себе, ложась в постель.
— Ты здесь не ради сказки».*

Но перед глазами всё равно стояла его улыбка. И я знала, что заснуть теперь будет трудно.

Я смотрела в потолок, слушая, как потрескивает камин, и думала о том, что *Мелантир* — это ловушка. Красивая, тёплая, манящая. И что если я позволю себе упасть, то, возможно, уже не смогу подняться.

Но почему-то это не пугало меня так сильно, как должно было.

За окном багровели горы, и холодный ветер приносил запах бронзы — напоминание о том, что я больше не дома.

И, возможно, никогда его уже не найду.

Глава 9

В этот день я проснулась до того, как ко мне явилась *Бри*. Утро было хмурым, за окном кружились редкие снежинки — мелкие, колючие, они таяли на стекле, не успев долететь до подоконника. Я натянула тёплое платье и уже собиралась выйти, когда дверь открылась и в неё проскользнула сама фавна.

Её глаза широко распахнулись от удивления — видимо, она не привыкла, чтобы я вставала раньше неё. Но *Бри* тут же отвесила короткий реверанс и положила принесённые вещи на стул.

— Вы сегодня рано, госпожа, — сказала она с непривычным оживлением. — Сегодня ярмарка. Вы пойдёте с его Высочеством *Мелантиром*?

— Пойду, — ответила я. — Там холодно?

— В горах всегда прохладно, даже летом. А сегодня обещают снег.

Я удивилась. В *Равенсте* в это время года уже всюду цвели сады, воздух был тяжёлым от цветочной пыльцы и жужжания пчёл. А здесь, в *Бронзовых землях*, всё ещё лежал снег. *Бри* протянула мне тёмно-синий плащ с меховой оторочкой — мягкой, почти шёлковой на ощупь.

— Возьмите, госпожа. Господин *Мелантир* велел.

Я взяла плащ, провела пальцами по меху. «*Заботливый*»,

— подумала я, но тут же одёрнула себя. Нельзя привыкать. Нельзя позволять этим жестам — таким тёплым, таким человеческим — проникать под кожу.

На кухне *Герда* встретила меня привычным ворчанием, но сегодня в её голосе чувствовалось что-то другое. Может, нетерпение.

— Сегодня ярмарка. Завтрак и обед сделаем, а потом все, кроме дежурных, свободны. — Она покосилась на меня. — Принц велел, чтобы ты тоже шла. Нечего тут отлынивать от развлечений.

Я удивилась его настойчивости, но спорить не стала. Работа закипела — чистила овощи, месила тесто, помогала разливать суп. Руки двигались сами, на автомате, а мысли были где-то далеко — там, где вчерашний вечер, его взгляд, его пальцы, убирающие прядь с моего лица.

К полудню всё было готово. *Герда* махнула рукой:

— Можешь идти. Мы закончим подачу обеда и тоже пойдем. Но к ужину вернись.

Я сняла передник, повесила его на крючок и вышла.

В дверях меня ждал *Мелантур* — в длинном тёмно-синем сюртуке, подбитом мехом. Волосы он сегодня не собирал в хвост, они падали на плечи густыми каштановыми прядями, в которых ещё угадывался медный отлив. Без привычной строгости он казался почти уязвимым. Молодым. Почти человеком.

— Готова? — спросил он.

— Да, — ответила я и добавила, стараясь, чтобы голос звучал ровно, почти отстранённо: — Ты, я смотрю, решил устроить мне настоящую экскурсию. Оранжерея, фонтан, теперь ярмарка. Не слишком ли много стараний для простой смертной?

Он улыбнулся — но в глазах мелькнуло что-то неуловимое.

— Мне не трудно. И потом, ты же не просто смертная. Ты — гостья.

— Гостья, которую отправили на кухню, — напомнила я.

— Временно, — парировал он. — А сейчас идём.

Он протянул руку, и я замешкалась лишь на секунду, прежде чем принять её. Ладонь его была сухой и тёплой, и даже через плотную ткань перчатки я чувствовала этот жар.

Мы вышли за ворота цитадели.

Город преобразился. Вдоль улиц выстроились дополнительные прилавки — деревянные, резные, украшенные медными подвесками, которые позвякивали на ветру. Повсюду висели гирлянды со слабым мерцанием, и я поняла: это не магия — просто маленькие стеклянные шары, внутри которых что-то горело ровным, спокойным светом. Воздух пах жареным мясом, пряностями — корицей, гвоздикой, чем-то ещё, неуловимым, — и мокрым камнем.

— Ярмарка раз в год, — пояснил *Мелантир*, беря меня

под руку. — Торговцы со всех земель съезжаются.

Снег кружился, оседая на волосах и плечах, и я с удивлением заметила, что он не тает на его сюртуке — словно сам воздух отступал перед принцем.

— И сколько ты столетий водишь сюда девушек с *оброба*? — спросила я с лёгкой насмешкой, хотя внутри всё сжалось.

Меня мучило любопытство. В «*Писании первых*» говорилось, что *ложно-бессмертные* могут жить до тысяч лет, но определить возраст по их лицу было невозможно. *Мелантир* мог быть и двадцатилетним, и двухсотлетним — его кожа оставалась гладкой, только в уголках глаз залегали едва заметные морщинки, да взгляд был слишком старым.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Ты первая, кого я пригласил.

Я не нашлась с ответом и сделала вид, что засмотрелась на толпу. Но он, видимо, заметил моё любопытство — или запах моего интереса, как он сам выразился той ночью у ручья.

— Хочешь узнать, сколько мне лет? — спросил он, усмехнувшись. — Четыреста шестьдесят семь. Если считать по вашему летосчислению.

Я поперхнулась.

Четыреста шестьдесят семь! Я ожидала чего-то подобного — разумом понимала, что он древний, — но всё равно стало не по себе. На миг я представила, сколько он повидал, сколько раз *оброб* приходил и уходил. Сколько девушек до меня стояли на этом же месте, смотрели на те же статуи,

вдыхали тот же воздух.

— А твоя сестра? — спросила я осторожно.

— Почти восемьсот. — Он говорил спокойно, будто речь шла о погоде. — Она была уже взрослой, когда я только родился.

— И сколько *оброков* ты помнишь? — не унималась я.

Мелантир на мгновение задумался, но ответил не сразу. В его глазах мелькнуло что-то далёкое, почти печальное — такая глубокая, древняя усталость, что мне стало не по себе.

— Много, — сказал он наконец. — Но я не водил их сам. Только наблюдал. С тех пор, как мне исполнилось двести, наверное.

Я быстро прикинула. Двести лет назад. Если оброк раз в десять лет, то получалось около двадцати раз. Но он сказал «много», а не «двадцать». Значит, он начал наблюдать раньше? Или просто округлил? Или *оброк* не всегда был таким редким?

— А последние годы? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

Он покосился на меня — долгим, изучающим взглядом. Но ничего не сказал. Только сжал мою руку чуть крепче и повёл дальше.

Я поняла, что расспрашивать бесполезно.

Мы шли дальше, и я снова заметила статуи — те самые, что видела в первый день, когда мы только вошли в город. Тогда они показались мне просто памятниками, грубыми, но

величественными. Теперь же, когда мы не торопились, я разглядела их лица. У одних — гнев, застывший на века. У других — ужас, застывший в тот самый момент, когда смерть пришла за ними. У третьих — отчаяние, такое глубокое, что его можно было потрогать.

У подножия каждого изваяния лежали медные венки — потускневшие от времени, но всё ещё блестящие на сгибах. Словно кто-то до сих пор приходил сюда и клал их.

— Ты говорил тогда, что ваши предки отдали свои силы, чтобы создать барьер, — сказала я. — Это они?

Мелантир проследил за моим взглядом и помрачнел. Его лицо стало чужим — замкнутым, непроницаемым.

— Это те, кто не ушёл в землю, — ответил он тихо. — Их не поглотила смерть. Боги оставили их здесь. Не мёртвые и не живые. Застывшие.

— За что? — вырвалось у меня.

Он помолчал. Ветер трепал его волосы, и в этом молчании было что-то тяжёлое, древнее, едва ли не запретное.

— Они хотели жить, — сказал он наконец. — Но людям становилось тесно рядом с нами. Мы начали *Первую войну*. Проиграли. — Его голос звучал ровно, без боли, без горечи — будто он читал книгу, написанную кем-то другим. — Барьер — это плата за мир. А эти — он махнул рукой в сторону статуй, — это плата за гордыню. Они не хотели уступать. Теперь стоят.

— А силы? — спросила я. — У них их тоже нет?

— Теперь нет. — Он усмехнулся — но безрадостно, одними уголками губ. — Боги забрали всё. Оставили только оболочку.

Я хотела спросить ещё — о чём? О том, чувствуют ли они боль? Слышат ли нас? Но он взял меня за локоть и повёл дальше, мягко, но настойчиво.

— Не смотри на них так, *Лирия*. Они не враги. Они просто проигравшие. Как и мы все тогда.

— А сейчас? — я не отступала. — Сейчас вы не хотите расширять земли?

Он остановился, посмотрел на меня странно — так, будто я спросила, дышит ли рыба под водой.

— Сейчас мы хотим выжить.

И, не дожидаясь ответа, указал на ближайший прилавок:

— Смотри, это померанец. Из южных долин. Попробуй.

Я поняла: разговор закрыт.

Фрукт оказался ярко-оранжевым, с плотной, чуть шершавой коркой. *Мелантир* разрезал его ножом — лезвие вошло в мякоть с мягким хрустом, и по воздуху разлился сладкий, чуть горьковатый запах, такой густой, что у меня закружилась голова.

— У нас такие растут в теплицах, — пояснил он, протягивая мне дольку. — Но на ярмарку привозят из предгорий. Ешь с кожурой. Тонкая.

Я откусила. Вкус был необычным — терпким, солнечным, таким, от которого во рту становилось жарко, а на языке

оставалось лёгкое покалывание.

— Никогда такого не пробовала, — призналась я, облизывая пальцы, и тут же пожалела о своей неловкости.

Но он только улыбнулся.

— В *Равенсте* не растут, — кивнул он. — Как и многое другое.

Мы пошли дальше. Я увидела прилавок с вышитыми платками — яркие, с геометрическими узорами, похожими на те, что носили в горах на юге. *Мелантир* купил один, с красным орнаментом, и, не глядя, сунул мне в руки.

— Это зачем? — спросила я, рассматривая плотную ткань.

— Чтобы ты не мёрзла. — Он уже отвернулся к следующей лавке, где гном в расшитом жилете предлагал глиняные свистульки в виде птиц и зверей. — И чтобы помнила, что не только работа.

Я хотела возразить — сказать, что не просила, что не нужно, что я не привыкла к подаркам. Но слова застряли в горле. Платок пах дымом и почему-то мёдом.

В толпе я вдруг заметила знакомое лицо — *Герда*! Повариха шла под руку с коренастым мужчиной в кожаной безрукавке, с такой же седой, как у неё, бородой. Я чуть не окликнула её, но в последний момент замерла: *Герда* смеялась. Я никогда не видела, чтобы *Герда* смеялась. На кухне она только хмурилась или ворчала, а её голос был таким же острым, как её ножи.

— Это её муж, — сказал *Мелантир*, перехватив мой взгляд. — Кузнец. Он работает в нижнем городе. Они приходят на ярмарку каждый год.

— Она выглядит счастливой, — заметила я.

— Все выглядят счастливыми на ярмарке. — Он пожал плечами, но в его голосе не было цинизма. Только констатация факта. — Даже те, кто несёт *оброк*.

Я промолчала.

Герда, заметив меня, кивнула и помахала рукой. Я помахала в ответ. Муж рядом с ней что-то сказал, и она рассмеялась снова — громко, заливисто, от всей души. Я вдруг подумала о *Равенсте*, о последней ночи перед *Рахмой*, когда мы с *Элеонор* танцевали на площади. Тогда я тоже смеялась — хотя знала, что завтра уйду навсегда.

— Ты грустишь, — сказал *Мелантир*.

Я тяжело вздохнула. Не стала скрывать очевидного.

— Да. Просто накатили воспоминания.

— О ком-то особенном? — поддел он с лёгкой улыбкой, но глаза его чуть прищурились.

Я слабо улыбнулась — той улыбкой, которая не трогает глаз.

— У меня тоже есть старшая сестра, как и у тебя. — Я отвела взгляд в сторону, уставилась на мелькание красных и золотых лент. — Вспоминаю, как прощалась с ней наспех. Мы танцевали и ели пироги. И она улыбалась. Впервые за много лет. Она не знала, что видит меня в последний раз.

Горло сдавило. Тоска по сестре ощущалась почти физически — как ожог, как глубокая рана, которая никогда не заживёт.

Сочувствие отразилось на его лице — но такое сдержанное, почти неловкое, будто он не привык показывать эмоции.

— Кажется, я видел её на рынке, — сказал он тихо. — Красивая. С тёмными волосами. Строгий взгляд.

Я усмехнулась сквозь подступающие слёзы.

— Да, это она. — Я сжала ладонь в кулак. — Ты по ней скучаешь, — сказал он.

— Очень. — Я не стала отворачиваться. — Она единственная, кто заботился обо мне. Всегда. Даже когда была злой и холодной со всеми остальными. Она старалась вытащить нашу семью из долговой ямы, когда умер отец. А я я не смогла смотреть, как она тонет. Поэтому и пришла сюда.

— Всё было настолько серьёзно? Деньги могли решить вашу проблему? — спросил он участливо.

Мне не хотелось отвечать. После смерти *Ульи* и стражников я начала сомневаться — не совершила ли я непоправимую, несоизмеримую ошибку, решившись на *оброк*. Но тогда, в *Равенсте*, мне казалось это единственно правильным.

— Я не знаю, как у вас здесь обстоят дела, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но в *Равенсте* мы были наказаны только из-за того, что брак моей сестры не сложился. Наказаны материально — очень сильно. Мы могли потерять дом — последнее, что позволяло нам ещё существовать

в городе. — Я запнулась, провела тыльной стороной ладони под глазом и обнаружила влагу. — Но думаю, самым важным в моём решении прийти сюда было то, что я хотела освободить её от этого бремени. Потому что всё, что случилось с ней, произошло из-за меня.

— Из-за тебя? — переспросил он наконец.

— Если бы не я, она бы не вышла замуж так рано, — выдохнула я. — У отца были финансовые трудности. Он собирался их переждать, не рисковать но я заболела. Нужны были деньги на лечение. — Я сглотнула, чувствуя, как снова подступают слёзы. — И мои родители они продали сестру. Состоятельному мужчине, на двадцать лет старше её. Она согласилась, чтобы спасти меня.

— А потом? — тихо спросил *Мелантир*.

— Он вернул её домой. Развёлся с ней. И почти сразу после этого умер. — Я провела рукой по лицу, вытирая слёзы. — Она осталась должна отступные. Огромную сумму. И всё это время платила одна. Я была ещё мала. Разница у нас всего четыре года, но она всегда вела себя как мать, а я я ничего не могла сделать.

— Поэтому ты пришла на *оброк*.

— Поэтому, — подтвердила я. — Я хотела освободить её. Думала, что медные монеты решат всё. А теперь теперь я не знаю, правильно ли поступила.

Мелантир долго смотрел на меня. Потом протянул руку и осторожно убрал упавшую прядь с моего лица — так же, как

вчера на смотровой башне. Но сейчас я не отстранилась.

— Ты очень сильная, *Лирия*, — сказал он тихо. — И твоя сестра тоже. Такая забота — редкость. Я понимаю, почему ты её любишь.

Я хотела ответить, но в горле стоял ком. Вместо этого я сделала шаг назад — мягко, без вызова. Просто чтобы вдохнуть.

— Пойдём, — сказала я, стараясь взять себя в руки. — Ещё не всё посмотрели.

Он кивнул, не настаивая.

Мы прошли ещё несколько рядов. *Мелантир* отвлёкся на прилавок с металлическими безделушками, а я ощутила, что мне хочется побыть одной. Хотя бы на несколько минут.

— Я скоро вернусь, — сказала я. — Хочу посмотреть на ту сторону.

Он бросил быстрый взгляд в ту сторону, куда я указала, и кивнул.

— Не теряйся. Встретимся у фонтана.

Я отошла, лавируя между прилавками, стараясь не замечать любопытных взглядов торговцев. Мысли путались, перед глазами всё ещё стояла *Элеонор*. Я почти не смотрела по сторонам — пока не наткнулась на кого-то взглядом.

Старуха сидела прямо на земле, прислонившись к стене какого-то дома. Чёрный платок, морщинистое лицо, мутные глаза, в которых, казалось, застыла вечность. Она не звала,

не протягивала руку. Просто смотрела.

— Ну здравствуй, *Оброчная*, — сказала она, когда я поравнялась с ней. Голос скрипучий, как ржавые петли. — Пойди сюда. Рассмотреть хочу тебя.

— Не надо, — ответила я, делая шаг назад. Сердце ёкнуло.

— А я и не спрашиваю. — Она усмехнулась, обнажив редкие жёлтые зубы. — Вижу только смертность твою. — Она втянула носом воздух, принюхиваясь, как зверь. — Но кровь твоя старая.

— В *Равенсте* у нас тоже были гадалки, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И все обещали любовь и богатство. Ничего не сбывалось.

— Тебе я обещать не буду, — фыркнула она. — Твой путь окончится в мучении. С тьмой познакомишься, но со светом воротись не собой. Далеко. В лесу, где деревья помнят кровь. — Она подалась вперёд, и я почувствовала запах сырой земли и сухих трав. — Он придёт за тобой, *Оброчная*. Не сейчас. Потом. Когда ты не будешь ждать.

У меня распахнулся рот. *Какая же чушь!* Я начала отворачиваться.

— Лучше бы ты про любовь и богатства сочиняла, — бросила ей через плечо.

— А на кой тебе сочинять? — захохотала старуха и вдруг запела: — *Любовь познаешь ядовитую, да спасение ей даруешь. Любовь истинную обретёшь — и в могилу ты уйдёшь.*

Я не стала отвечать, спеша убраться подальше от этой су-

масшедшей. Она так и продолжала петь свою странную песню, но я уже ничего не разбирала — только отдельные слова, которые въедались в память, как кислота.

— *Лирия!*

Голос *Мелантира* раздался за спиной. Я вздрогнула. Он стоял в двух шагах, сложив руки на груди. Лицо было спокойным, почти бесстрастным — но глаза они были холодными. Очень холодными.

— Ты далеко ушла, — сказал он, даже не глядя на старуху. — Я забеспокоился.

— Я в порядке, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто эта она несёт какую-то ахинею.

Мелантир перевёл взгляд на гадалку. Та оскалилась — без страха, скорее с вызовом.

— А ты не смотри на меня так, Ваше Высочество. Я правду говорю. Не всю, но правду. — Она сплюнула на землю. — Уводи свою *оброчную*, пока я не сказала лишнего.

— Ты уже сказала, — сухо ответил он и взял меня за локоть. — Пойдём.

Я позволила увести себя. Но в голове всё ещё звенело: «*Любовь познаешь ядовитую любовь истинную обретёшь — и в могилу ты уйдёшь*».

Чушь, конечно. Обычная гадалка, каких в *Равенсте* было полно. Эта даже не попросила монету.

Но почему-то было тошно.

Мелантир привёл меня к фонтану. Мы молча стояли у

края, глядя, как вода сверкает на солнце, отражая редкие снежинки, которые всё ещё кружились в воздухе. Снег почти перестал.

— Ты расстроена? — спросил он.

— Нет, — соврала я. — Просто устала. И замёрзла.

Он кивнул и снова накинул мне на плечи свой плащ — тёплый, пахнувший дымом и хвоей. Я не стала отказываться.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе ещё кое-что, а потом отведу в цитадель. *Герда*, наверное, уже заждалась.

— Что за «кое-что»?

— Сюрприз, — он слабо улыбнулся.

Сюрпризом оказались гномы, жонглирующие огнём. Я смотрела, как языки пламени перелетают с факела на факел, выписывая в воздухе огненные дуги, и на миг забыла о словах гадалки. *Мелантир* стоял рядом, не касаясь, но я чувствовала его присутствие — тяжёлое, внимательное, почти осязаемое.

— Ты не веришь в предсказания? — спросил он, когда представление закончилось и гномы раскланялись под аплодисменты толпы.

— Нет, — ответила я. — А ты?

Он помолчал.

— Иногда они сбываются. Но чаще — нет. Люди слышат то, что хотят услышать, и сами строят свою судьбу.

— А если предсказание страшное?

— Тогда его можно попытаться изменить, — он посмот-

рел на меня. — Или забыть. Забудь, *Лирия*. Она просто старая карга.

Я кивнула, но забыть не получилось.

Нужно было возвращаться к вечерней работе. *Герда* ждала к ужину, и я не могла её подвести — не после того, как она разрешила мне уйти.

— Нам пора.

— Да, — он кивнул. — Пора.

Вернулась я затемно. *Герда* уже ушла, на кухне горел одинокий фонарь, отбрасывая жёлтые круги на каменный пол. Я поужинала остатками супа — он уже остыл, но я не жаловалась, — поднялась в свою комнату.

Перед сном достала медного дракончика — подарок гнома с ярмарки — и платок, который купил *Мелантур*. Ткань была мягкой, тёплой.

«*Четыреста шестьдесят семь лет*», — думала я, глядя в потолок. «*Он видел столько оброков И молчал*».

«*Любовь познаешь ядовитую любовь истинную обретёшь — и в могилу ты уйдёшь*».

Чушь, конечно. Но спать не хотелось.

Я свернулась калачиком под одеялом и долго смотрела, как угли догорают в камине, отбрасывая на стены пляшущие тени. Мысли путались: *Мелантур*, его улыбка, его холодные глаза, когда он смотрел на гадалку. И её слова. И тень из ночи *Рахмы* — мужчина в капюшоне, что велел мне бежать.

«Он придёт за тобой Когда ты уже не будешь ждать».

Кто? *Мелантур*? Или кто-то другой?

Я закрыла глаза и провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Глава 10

Я проснулась от того, что кто-то тряс меня за плечо. *Бри* стояла надо мной — уже одетая, с медным кувшином горячей воды в руках, из которого поднимался пар, пахнущий травяным отваром.

— Госпожа, вставайте. *Герда* не любит опозданий.

Я села на кровати, щурясь от света. Сквозь щели в ставнях пробивался серый утренний свет — такой же, как всегда в этой холодной, каменной стране. В комнате было тепло: камин всё ещё тлел, угли мерцали ровным малиновым светом, и я на секунду задержала на них взгляд, собираясь с мыслями.

— Что сегодня? — спросила я, потягиваясь и ощущая, как хрустят затекшие плечи.

— Пирожки с мясом, — ответила *Бри*, разливая воду в таз. — И хлеб. *Герда* сказала, вы уже умеете месить тесто, пора учиться лепить.

Я умылась — вода была обжигающе горячей, пахла можжевельником, — и натянула рабочее платье. То самое, что выдали в первый день: простое, шерстяное, тёмно-серое, уже поношенное на локтях. *Бри* заметила мой взгляд.

— Если хотите, могу попросить у кладовщицы другое. У вас есть право на смену одежды.

— Не надо, — ответила я, одёргивая подол. — Это сойдёт.

Но я думала о другом. О том, что женщины на кухне ходили в брюках — как мужчины. Удобно, практично. Ткань не путается под ногами, не липнет к раскалённым печам. Мне такие не предлагали. Я не знала, можно ли просить. Или это будет нарушением того самого негласного «уважения», о котором говорила *Бри*?

На кухне уже кипела жизнь.

Печи ревели, котлы булькали, гномы и фавны сновали между столами, выкрикивая заказы. *Герда* встретила меня на пороге, не дав даже поздороваться.

— Сегодня печём. Тесто готово. Твоя задача — лепить пирожки. И чтобы все одинаковые были, поняла?

Я кивнула и подошла к столу. Гора теста — упругого, ещё тёплого, — миска с мясной начинкой, доска, посыпанная мукой. Я взяла кусок теста, раскатала, положила начинку, защипнула края.

Первый пирожок получился кривым — словно я лепила его в темноте, не глядя.

— Переделай, — сказала *Герда*, даже не взглянув на результат. Голос её был ровным, но в нём слышалась та особая сталь, которая не терпит возражений.

Я переделала. Второй вышел лучше — по крайней мере, не развалился. Третий — почти красивый, с аккуратным рубчиком по краю.

— Не позорься, — буркнула гномка, проходя мимо и по-

правляя мои руки своими корявыми, но удивительно ловкими пальцами. — Для смертной у тебя неплохо. Но руки не мылом мыть надо, а маслом смазывать, чтобы тесто не липло.

Я послушалась. Пирожки пошли быстрее, и вскоре передо мной выстроился целый ряд одинаковых, румяных, будто солнышки, заготовок.

В полдень, когда пирожки уже пеклись, наполняя кухню запахом жареного мяса и свежей сдобы, *Герда* отправила меня отнести обед в малую столовую — для королевы и её приближённых. Я взяла поднос — тяжёлый, с деревянной резьбой по краям — и пошла, стараясь ступать ровно, чтобы не звякали тарелки.

В коридоре я встретила *Бри*. Она тащила огромную корзину с бельём, почти скрываясь за ней. Увидев меня, фавна остановилась, и я воспользовалась моментом.

— *Бри*, — окликнула я. — А почему ты не носишь брюки? Как другие женщины на кухне?

Она удивилась — её жёлтые глаза с вертикальным зрачком расширились.

— Потому что я не работаю на кухне, госпожа. Я служанка. У нас форма — платье.

— А я? — спросила я, кивнув на свой поднос. — Я работаю на кухне. Мне можно брюки?

Бри замялась. Её пальцы нервно перебирали край корзины.

— Вы — *гостья*, — сказала она наконец. — Вам положено платье. Это знак уважения.

— Но я не чувствую себя гостьей. Я чувствую себя прислугой.

— *Оброк* обязывает вас служить, — тихо ответила *Бри*, понижая голос так, чтобы никто из проходящих мимо не услышал. — Но королева велела относиться к вам как к госте. Поэтому вы и носите платье.

Я не поняла. Как можно быть одновременно служанкой и гостьей? Но спорить не стала. Только вздохнула.

— Платье портится от работы. Я выгляжу чумазой, — призналась я, одёргивая передник, который уже успел покрыться мучными разводами. — Всё же удобней было бы в брюках.

Бри задумалась — так, будто решала сложную задачу.

— Узнаю, можно ли с этим что-то сделать. Подготовлю для вас сменную одежду.

Я поблагодарила её и пошла дальше, оставив *фавну* стоять посреди коридора с задумчивым лицом.

Коридоры цитадели были тихими — в этот час большинство обитателей ещё отдыхало, может быть, досыпали после вчерашнего пира или готовились к сегодняшнему. Малая столовая находилась в восточном крыле, куда меня ещё ни разу не водили. Я шла мимо гобеленов с вытканными золотыми ветвями и статуй, которые провожали меня каменными взглядами.

Дверь оказалась приоткрытой. Я постучала костяшками — негромко, на всякий случай.

— Войдите, — раздался голос королевы.

Я толкнула дверь и вошла. Столовая оказалась небольшой, но изящно обставленной: тёмное дерево, медные светильники на стенах, узкое окно с видом на горы, за которым серое небо сливалось со снежными вершинами. За столом сидели двое — сама королева и пожилая богинка с острыми чертами лица, в тёмно-зелёном платье, расшитом серебряными нитями.

— А, *оброчная*, — королева отложила какую-то бумагу — плотный пергамент, покрытый рунами. — Ставь сюда.

Я поставила поднос на стол, принялась раскладывать тарелки. Мои руки слегка дрожали, но я старалась не показывать этого. Королева наблюдала за мной без особого интереса — с той отстранённой ленцой, с которой смотрят на муравья, пересекающего тропу. Но взгляд у неё был цепкий, и я чувствовала, как он скользит по мне, отмечая каждую деталь.

— Как тебе служится на кухне? — спросила она, когда я закончила. Её золотые глаза, такие же, как у *Мелантира*, смотрели с осторожностью дикой кошки.

— Хорошо, Ваше Величество. *Герда* добра ко мне.

— *Герда* добра ко всем, кто работает, — на её губах отразилось что-то похожее на ухмылку. — А *Мелантир* с тобой добр?

Я замерла на секунду, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Да, Ваше Величество. Он часто навещает меня знакомит с этим местом.

— Знаю. — Она взяла вилку, ковырнула пирожок, но не откусила. — Ему не в тягость возиться с *оброчными*. Так и прежде было. Но с тобой — она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то, чего я не смогла прочитывать, — почему-то с тобой он особенно усерден.

Пожилая богинка тихонько кашлянула — то ли предупреждая, то ли привлекая внимание. Но королева не обратила на неё внимания.

Королева, не стесняясь, разглядывала меня, наклоняя голову в разные стороны, словно я была картиной, которую она никак не могла оценить. Потом откинулась на спинку стула, сложила руки на груди.

— Ты красивая, — сказала она в заключение, и я отчего-то похолодела. — И не глупая, я слышала. Надеюсь, ты понимаешь, что от тебя хотят?

Я сглотнула. Горло пересохло.

— Служить, Ваше Величество.

— Быть *услужливой*, — поправила она, и это слово — *услужливой* — прозвучало как приговор. — А теперь иди. Герда ждёт.

Я поклонилась — неловко, с чопорностью, которую в детстве вбивала в меня наша старая няня, — и вышла. Серд-

це колотилось где-то в горле. «*Что от тебя хотят*» — она сказала это таким тоном, будто речь шла о чём-то большем, чем просто кухонная работа. «*Это же была моя временная проверка, — подумала я. — Скоро мне дадут новое назначение, вероятно*».

На кухню я вернулась молчаливая. *Герда* бросила на меня быстрый взгляд, но ничего не спросила. Я отвечала только когда меня спрашивали, делала то, что мне указывали. В общем, была *услужливой*.

Так продолжалось несколько одинаковых дней. Я подрывалась затемно, спешила на кухню, месила тесто, резала овощи, мыла котлы — и каждый вечер возвращалась в комнату с гудящими ногами и пустой головой. Я старалась создавать всем как можно меньше проблем — просто делала своё дело. И, кажется, это работало: *Герда* перестала ворчать по каждому поводу, а гномы перестали коситься.

Но сегодня утром *Бри* подстерегла меня ещё раньше обычного. Я уже и забыла о нашем разговоре, но она пришла ко мне в комнату с ворохом тёмно-синей ткани.

— *Кладовщица* сказала, это осталось от предыдущей девушки, — тихо пояснила *Бри*. — Она носила такие, когда работала в полях.

Она разложила на кровати брюки, рубашку, жилетку. Всё из мягкой шерсти, удобное, практичное — не то, что мои вечно путающиеся юбки.

Я взяла брюки в руки, повертела. Ткань была приятной на ощупь, но мысль о том, что их носила девушка, которую потом отправили в поля, неприятно царапнула изнутри. Я отогнала эту мысль.

— Спасибо, — горячо поблагодарила я, чувствуя, как внутри разливается настоящий восторг. — Правда, спасибо.

Бри улыбнулась и достала ещё один свёрток. Моя улыбка увяла — это были платья. По дороговизне они не уступали тому, в котором меня отправили на представление королеве, и даже превосходили его. Шёлк, бархат, кружево — они выглядели совершенно новыми, нетронутыми.

— А это зачем? — поинтересовалась я, уже стягивая через голову рабочее платье.

— Сменная одежда, госпожа.

Бри подняла тёмно-синее тяжёлое бархатное платье — в таком сама королева смотрелась бы великолепно, — и нежно-розовое с длинными рукавами и кружевными оборками.

— Куда я могу в таком отправиться? Не помню, чтобы собиралась устраивать бал, — я уже натягивала брюки, радуясь, как они ложатся по фигуре.

— Для вашего свободного времени, — служанка пожала плечами. — Может, для прогулок по городу. Вы же помните, что у вас тоже положены выходные.

— В моём городе, если бы я продала одно такое платье, я бы могла целый месяц содержать наше поместье, — пробормотала я, застёгивая пуговицы на жилетке.

К вечеру после работы мне стало скучно. Сидеть в своей комнате и пялиться на горы? Или бродить по верхним этажам для слуг, где пахло кислым молоком и сырой штукатуркой? Я уже исходила их вдоль и поперёк.

И на этот раз я не стала ждать, пока *Мелантир* сам придёт за мной. Последние два дня я видела его только мельком за трапезами — он сидел за главным столом, говорил о чём-то с советниками, а когда наши взгляды встречались, отводил глаза.

Найти принца вечером почему-то не вызвало у меня смущения.

Я умылась, переоделась в простую сменную тунику, надела корсет и рабочую юбку — ту, которую уже успела привести в порядок после бесконечных стирок. Шикарные платья остались висеть в шкафу нетронутыми, собирая пыль.

Цитадель оказалась лабиринтом. Я блуждала по коридорам, пугая факелами из электрических ламп, пока не услышала голоса. За поворотом обнаружилась открытая дверь. Внутри *Мелантир* сидел за столом с двумя мужчинами — военным в потемневшей меди и пожилым советником с длинной седой бородой. Перед ними лежали карты и свитки, густо исписанные рунами.

— поставки руды упали на треть, — говорил советник, водя пальцем по пергаменту. — Если не найдём новый источник

Мелантир вдруг поднял голову и посмотрел прямо на меня. Я замерла, думая, что он рассердится или, по крайней мере, удивится.

Но он улыбнулся.

— Извините, — сказал он собеседникам, вставая. — Продолжим завтра.

— Ваше Высочество, но мы не закончили! — воскликнул военный, стукнув кулаком по столу.

— Закончили. — *Мелантир* уже шёл к двери, стряхивая с рукава невидимую пыль. — У меня появилось более важное дело.

Он увлёк меня за собой в коридор, и за нашими спинами дверь закрылась с глухим стуком.

— Ты искала меня? — спросил он, когда мы остались одни.

— Я хотела спросить глупость, конечно, — я отвела взгляд, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Не хотели ты погулять сегодня? Наверху безумно скучно. Но если ты занят

— Теперь нет, — сказал он, и на его лице появилась широкая улыбка. — Я всегда рад составить тебе компанию. — Он поднял палец: — Только переназначу встречу на другой день и вернусь.

Он снова скрылся за дверью, и я услышала, как внутри начался спор. Голоса становились громче, потом стихали, а затем раздался резкий ответ *Мелантира* — и наступила ти-

шина. Мне стало стыдно: я оторвала его от важных дел из-за собственной скуки. Не могла *Бри* разыскать для прогулки? Или *Герду*, на худой конец?

Через минуту он уже вернулся — посвежевший, с расстёгнутым воротом рубашки.

— Ну что, идём?

И я вдруг почувствовала, как внутри разливается тепло — такое же, как вчера у фонтана.

Мы гуляли по городу. Он показывал мне смотровые площадки, о существовании которых я даже не догадывалась: узкие балконы, врезанные в скалу, с которых открывался вид на бронзовые пики и горную грядку, уходящую вдаль на много миль. Горы казались бесконечными — чёрные, с медными прожилками, они уходили к горизонту, где небо сливалось с землёй. При закатном свете пики пылали красным, как сигнальные костры, хотя никаких рек или озёр рядом не было.

Странно, мы же вчера рыбу подавали.

— А что там, за горной грядой? — спросила я, когда мы остановились на очередном выступе. Ветер трепал мои волосы, и я то и дело убирала их с лица. — Ты говорил, что есть и другие королевства.

Мелантур перевёл взгляд на горизонт. Его янтарные глаза отражали розовизну неба, и это делало их почти нечеловечески красивыми.

— Да, как раз за *Бронзовой грядой* там находится выход к огромному озеру. Люди называют такие огромные озёра

«море». И оно полностью зелёное. Эти земли и сам водоём называются *Нефритовое озеро*. Мы довольно успешно ведём торговлю с их королевством. — Он перевёл палец вдоль гряды. — А там, дальше, другое королевство — *Багряный лес*.

— Почему Багряный? — я наклонила голову. — Он что, красный? Или это символическое название двора?

Мелантир почесал подбородок — жест, который делал его почти мальчишеским.

— Вообще-то, да. Их деревья действительно красные. И они светятся.

— Светятся? — я невольно перевела взгляд на электрические лампы, висящие на столбах внизу. — Они электрические?

— Нет, — он усмехнулся. — Они сами по себе светятся. Это *сотворение* природы.

Желание расспрашивать у меня отпало. Магия — или *сотворение*, как они это называли — всё ещё пугала меня. Я помнила тот огонёк на его ладони, помнила, как сжалось моё сердце.

— Наши королевства сохраняют нейтралитет в отношении друг друга, — добавил он, будто прочитав мои мысли.

Я только кивнула. *Мелантир* перевёл палец в сторону знакомых скал.

— Человеческие земли, — грустно выдохнула я.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то — может, понимание, может, сочувствие. В груди защемило. *Так близко*

и так далеко.

— Пойдём, — сказала я, спеша уйти оттуда. — Здесь прохладно.

Мы вернулись в город, зашли в галерею, где гномы и фавны продавали свои поделки: резные шкатулки, бронзовые украшения, странные музыкальные инструменты. В какой-то момент я заметила леденцы на палочке в одном из ларьков — розовые, с брызгами сахарной глазури, как в детстве. Я не удержалась и купила один, сунув торговцу железную монету, которую нашла в кармане.

— Ты как ребёнок, — сказал *Мелантир*, глядя, как я облизываю сладкий шар.

Он рассмеялся — и в его глазах зажглись золотые искры, тёплые, почти человеческие.

— А ты как старик, — парировала я. — Вечно серьёзный.

Он рассмеялся — и в его глазах зажглись золотые искры, тёплые, почти человеческие.

— Вот, ты смеёшься, — сказала я и тут же пожалела: слишком неуместно прозвучало. Но он не смутился.

— Тебе тоже стоит это делать почаще, — ответил он.

За ужином мы сидели на старой скамье у фонтана, и я спросила то, что вертелось на языке весь вечер:

— У вашей королевы нет мужа? Она сама правит страной?

Он поднял бровь.

— С чего такой интерес?

— Просто пытаюсь понять, как это всё работает, — по-

жала я плечами, откусывая от булочки. — У нас в *Равенсте* правители — мужчины. Женщина на троне это было бы странно.

— Нет, *Рейесе* не нужен муж. Она вполне самостоятельна. — Он помолчал, глядя на воду. — *Фейцы* редко женятся. Наш отец тоже не брал себе в жёны ни мать *Рейи*, ни мою. Они были наложницами.

Я замедлила жевание. Слово «наложницы» всегда вызвало у меня неприятный осадок — что-то грязное, неправильное. У людей такое считалось позором.

— Значит, вы не придерживаетесь династических браков?

— Важны только потомки, которые наследуют корону. *Рейеса* — старшая, она наследница. Ей не нужен муж, чтобы её дети, если они появятся, наследовали трон.

— А наложники у неё есть? — спросила я невзначай, но это всё равно прозвучало слишком вызывающе.

Мелантир даже бровью не повёл.

— У королевы десятки наложников, — ответил он спокойно. — Но это их выбор. Быть фаворитом королевы — почётно. Ведь их потомок может стать наследником короны.

Всё звучало логично — по крайней мере, для них. Но я выросла в мире, где брак считался священным союзом, а наложницы презирались. Здесь же, в *Бронзовых землях*, все рамки приличия были размыты, и это пугало меня больше, чем магия.

— Это смущает тебя? — спросил *Мелантир*, наклоня го-

лову.

— Немного, — призналась я. — У нас всё по-другому.

— Понимаю. Но ты привыкнешь.

Сильно сомневаюсь.

— Поэтому ты тоже не женишься? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. — У тебя тоже наложницы?

Мелантир выгнул бровь, и на его губах расплылась та самая наглая, почти дьявольская улыбка, от которой у меня перехватывало дыхание.

— Я не настолько важная фигура, чтобы заводить наложниц, — ответил он, и я почувствовала, как гора свалилась с плеч. — Пока не унаследую корону.

По возвращении в комнату я прокручивала в голове наш разговор. Его улыбку, его голос, его руки — когда он поправлял мне плащ, когда брал под локоть. И ловила себя на том, что думаю о нём слишком много.

Я здесь не для этого. Я — служанка. Он — принц.

Но тогда почему он бросает дела ради меня? Почему смотрит так, будто я — не просто очередная девушка? Даже если сейчас у него нет наложниц, это не значит, что они не появятся. И самое главное, что меня мучило: хочет ли он, чтобы я была среди них?

Что он вообще хочет?

Я легла на кровать, глядя в потолок, и долго не могла уснуть. Камин давно прогорел, в комнате стало прохладно,

но я не укрывалась. Холод отрезвлял.

«Он придёт за тобой, *Оброчная*. Не сейчас. Потом. Когда ты не будешь ждать.».

Слова гадалки всплыли в памяти сами собой. Навязчивые, как зубная боль.

Я закрыла глаза и заставила себя дышать ровно.

За окном багровели горы, и холодный ветер приносил запах бронзы — вечный, неистребимый.

Глава 11

Время в цитадели текло иначе, чем в *Равенсте*. Там я считала дни до уплаты долга, до приезда *Арика*, до очередной ссоры матери с сестрой. Здесь дни сливались в недели, в золотистую пасту, которую мешали утренняя работа на кухне, вечерние прогулки с *Мелантиром* — и нередкие пиры, куда он меня уводил.

Я перестала следить за календарём. *Герда* ворчала, но беззлобно — так ворчат над провинившимся, но любимым учеником. *Бри* приносила чистую одежду и иногда задерживалась у двери, словно хотела что-то сказать, но молчала. Я не спрашивала. Вопросы, заданные здесь, никогда не приводили к хорошим ответам.

Моё тело привыкло к новой жизни. Щёки округлились, под глазами исчезли тени — те самые, что годами лежали там после бессонных ночей в *Равенсте*. Я больше не вздрагивала от каждого шороха и не проверяла, на месте ли медяки в кармане. Их у меня и не было — только сменные платья для работы и те, что выдавали «для выхода».

Мелантир появлялся после обеда, когда я отмывала руки от остатков пищи.

— Идём, — говорил он, и это не было вопросом.

Я вытирала руки, снимала передник и шла за ним. Иногда он вёл меня в город, иногда в сад, а иногда — на пир, где му-

зыка гремела так, что закладывало уши, а вино лилось рекой.

На пирах он сажал меня за дальний стол — подальше от любопытных глаз, ближе к выходу. Но сам всё время возвращался: подливал вино, приносил сладости, шептал что-то на ухо. Я чувствовала на себе взгляды. Не злые, скорее любопытные. «*Принц и оброчная*» — для них это должно было быть странно, но почему-то не было. Может, они привыкли к его причудам. Может, им было всё равно.

На всех пирах меня сопровождала *Бри* в качестве компаньонки, и это тоже обескураживало. Она не пила, не танцевала и всё время просто сидела рядом со мной, не отходя ни на шаг — а ведь это было и её выходное время. Я однажды сама попросила, чтобы та пошла потанцевать или попробовала как-то развлечься. Но *Бри* сказала, что ей этого совсем не хочется. При этом она приходила на пир стабильно каждый раз, когда и я.

Я придерживалась своего и так и не притрагивалась к платьям в шкафу, число которых только увеличивалось с каждым разом — *Бри* уже не показывала их мне, а просто молча вешала. На мне в такие вечера всегда было моё рабочее платье. В нём я чувствовала себя защищённой — как в броне. Зато местные *фэйри*, казалось, в платьях и вовсе не нуждались. То, что было на большинстве полуниц, я даже не могла назвать одеждой; они наслаждались своими изящными телами, ничуть не стесняясь, и их острые уши и переливающиеся глаза делали их прекрасными — пугающе, неправильно

прекрасными.

Мелантир пробовал вытащить меня танцевать, но я всегда отказывалась. Местная музыка до сих пор была мне непонятна: какое-то гортанное пение и стук по барабанам, а ещё у них было что-то похожее на нашу лютню, но более объёмное, с большим количеством струн. Двигаться под эти танцы я тоже не могла — я вообще плохо танцевала. Этот навык у меня давно атрофировался. Ну и конечно, это было бы неуместно ни в каком роде — пойти на пир танцевать с принцем. Если пока до меня не доходили слухи, что я считаюсь наложницей *Мелантира*, то после такого они бы точно появились. А я знала, как злые языки могли уничтожить репутацию человека.

Но публичные мероприятия мы проводили отдельно, а мешать нашим уединённым прогулкам нам уже никто не собирался. *Бри* сразу же исчезала «по делам», и мы просто гуляли по городу. Я не признавалась даже себе, но в последнее время это было именно то время, которого я ждала весь день. Его голос, его шаг рядом, его рука на моём локте — всё это стало для меня таким же естественным, как дыхание.

А ещё меня волновало, что я всё реже вспоминала дом, сестру и то, почему и для чего я здесь оказалась. *Элеонор* стала таять в памяти, как утренний туман. И это пугало меня больше, чем любой пир или встреча с королевой.

Однажды, когда я уже собиралась уходить с кухни после

смены, *Герда* остановила меня.

— Завтра у тебя выходной, — сказала она, даже не поднимая головы от котла. — Королева распорядилась.

Я удивилась. В *Равенсте* отдых был роскошью, которую мы не могли себе позволить.

— Что мне делать?

— Что хочешь. Хоть в лесу пляши. — *Герда* хмыкнула и наконец подняла на меня свои глубоко посаженные глаза. — Только Его Высочество предупреди. Он тебя вечно ищет.

Я покраснела — так сильно, что, наверное, даже гномы заметили, — и вышла.

— Завтра у тебя выходной, — сказала она, даже не поднимая головы от котла. — Королева распорядилась.

Мы вышли за ворота цитадели и двинулись на восток. Город остался позади — его шум, его запахи, его вечная суета. Дома сменились полями, а поля — редким лесом. Тропа вилась вверх, и с каждым шагом воздух становился чище, холоднее, прозрачнее.

Мелантир шёл впереди, легко переступая с камня на камень. Его движения были текучими, без лишних усилий — как у зверя, привыкшего к горам. Я смотрела, как играют мышцы на его спине под тонкой тканью рубашки, и ловила себя на мысли, что не могу отвести взгляд.

— Куда мы идём? — спросила я, когда мы остановились перевести дух. Дыхание вырывалось белыми облачками, хо-

тя внизу, в долине, было ещё тепло.

— К гребню, — он кивнул на скалистую гряду, которая блестела на солнце. — Там видно всё королевство.

— А почему *Бронзовые земли* так называются? — спросила я, вспомнив, как в детстве мы смотрели на закат и называли горы бронзовыми.

Он усмехнулся, поднял с земли камень и протянул мне. Его пальцы — длинные, с аккуратными ногтями, без мозолей — мелькнули перед моим лицом. Внутри камня мерцали золотисто-коричневые прожилки, похожие на вены.

— В каждой скале, в каждой горе здесь есть бронза. Не чистая, с примесями, но её много. Наши предки плавили её, ковали оружие, строили города. Говорят, когда солнце садится, горы светятся изнутри.

Я повертела камень в руках. Он был тёплым, будто живым.

— Красиво, — сказала я.

— Это всё, что у нас осталось. — Он забрал камень и бросил обратно в траву. — Пойдём. Скоро увидишь.

Мы поднялись выше. Лес кончился, и тропа пошла по голым скалам — серым, шершавым, с острыми краями, которые норовили порезать подошву. Ветер стал сильнее, бил в лицо, трепал волосы. Но солнце грело по-летнему, и я даже вспотела, карабкаясь вверх.

Мелантур держался легко, не сбивая дыхания. Иногда он оборачивался, и тогда солнечный свет падал на его лицо, вы-

свечивая острые скулы, ровный нос, чуть насмешливый изгиб губ. Он был красивее любого мужчины, которого я видела в *Равенсте*. Там красота была грубоватой, топорной — результат работы в поле или у станка. Здесь же красота была породой: точеные черты, гладкая кожа, золотистый отлив волос. Он походил на статуи в цитадели — те самые, застывшие предки, — только живой и тёплым.

Вскоре мы вышли на широкий карниз — ровную каменную площадку, нависающую над пропастью. Отсюда открывался вид на всю долину: на цитадель, похожую на игрушечную, на город, расплзающийся серыми пятнами по склонам, и на далёкие синие горы на горизонте.

— Это граница с человеческими землями, — *Мелантир* указал туда, где небо сливалось с землёй в дрожащей дымке. — Оттуда ты пришла.

Я смотрела и молчала. Мы сделали уже столько витков по горным тропам, но родные земли я всё ещё угадывала — по изгибу реки, по тёмной полосе леса. В груди сдавило. *Элеонор*, дом, рынок, запах свежего хлеба по утрам — всё это было там, за грядой. И всё это стало чужим.

— Не грусти, — он коснулся моей руки. — Здесь твой новый дом.

— Я не знаю, дом ли это, — ответила я.

Он не ответил. Мы стояли на краю, и ветер трепал наши волосы, переплетая их, словно пытался что-то сказать.

На обратном пути он свернул с тропы на едва заметную

ответвление.

— Покажу тебе поля, — бросил он через плечо.

Мы спустились в долину, где зелёные луга перемежались золотистыми полосами пшеницы, колосья которой клонились к земле под тяжестью зёрен. Вдалеке виднелись фигурки людей — они работали в полях, согнувшись, как живые серпы.

— Это те самые поля? Откуда идёт вся провизия для кухни? — спросила я.

— Да. Наша маленькая гордость, — улыбнулся он, и в его голосе впервые за долгое время не было ни насмешки, ни грусти. Только спокойная, тихая гордость.

Я вспомнила слова *Бри*.

— *Бри* говорила, что последняя девушка с *оброка* служит здесь. Ты помнишь её?

Мелантир кивнул.

— Да. *Мира*.

— Мне бы хотелось с ней познакомиться. Она единственный человек здесь, о котором я знаю, — попросила я.

Но он покачал головой.

— Сегодня у неё выходной, как и у многих работников полей. — Он махнул рукой на пустые пахотные телеги; они стояли в отдалении, не запряжённые, а в самом поле я увидела только одного гнома, который собирал какие-то странные овощи — длинные, фиолетовые, с пупырышками.

— Жаль. Надеюсь, мы когда-нибудь познакомимся.

Выражение его лица стало угрюмым.

— Она не принимает гостей. Уже довольно давно.

С того момента, как потеряла ребёнка? Я не стала об этом говорить, не хотела подставлять Бри, которая проболталась о чужом горе. Это был чужой страшный секрет, и я не имела права копаться в нём.

— Очень жаль, — только и сказала я, отворачиваясь к полю.

Мы устроили пикник прямо в поле, среди высоких стеблей рапса — его жёлтые цветы уже начали увядать, но всё ещё пахли мёдом и солнцем. *Мелантир* расстелил плед — клетчатый, шерстяной, — достал из котомки хлеб, сыр, фрукты и кувшин с вином.

— Ты всё предусмотрел, — удивилась я, садясь на мягкую ткань.

— Я же принц. Принцы предусматривают.

Он рассмеялся, откинув голову, и я увидела линию его шеи — плавную, сильную, без капли жира. Он перехватил мой взгляд и усмехнулся:

— Ты так смотришь, будто видишь меня впервые.

Я покраснела и уставилась в землю, теребя травинку.

— Просто ты не похож на других мужчин, которых я знала.

— Надеюсь, это комплимент.

— Да, — выдохнула я, не поднимая глаз.

Мы ели, болтали о пустяках. Я рассказывала о *Равенсте* — о том, как пекли хлеб по субботам, как *Элеонор* ругала меня за то, что я забываю закрыть ставни на ночь. Он слушал, задавал вопросы, смеялся — и его смех был таким тёплым, что я на секунду забывала, кто он. А он рассказывал о детстве в цитадели — о том, как они с сестрой играли в подземельях, как он боялся статуй предков, а она дразнила его трусом.

Время летело незаметно.

Я любовалась его руками, когда он резал сыр — длинные пальцы, узкие ладони, никаких следов тяжёлой работы. И в то же время, когда он поднимался, чтобы поправить плед, я замечала, как напрягаются мышцы на его бёдрах под тканью брюк. Он был в форме — не как солдат, прошедший сотни тренировок, а как охотник, который много ходит и плавает. Поджарый, жилистый, гибкий.

— *Лирия*, — вдруг сказал он, глядя на меня поверх кубка, и в его голосе не было обычной лёгкости. — Ты когда-нибудь думала о том, что будет дальше?

— Работать, наверное, — пожалала я плечами. — Служить.

— А после службы?

— *Оброк* не кончается. Я здесь навсегда, — сказала я, и в моих словах не было горечи. Только усталая констатация факта, как знакомая дорога, которой идёшь уже много лет.

Мелантур не ответил. Он смотрел куда-то в сторону, на

золотистые поля рапса, которые ветер рябил, как воду. Тишина между нами стала вдруг другой — не той, напряжённой, когда я ждала приказа или поцелуя, а какой-то задумчивой.

— Ты никогда не спрашивала меня, хочу ли я этого, — сказал он наконец. Голос был тихим, без обычной насмешливой нотки.

— Чего?

— *Оброка*. Того, что ты здесь навсегда.

Я усмехнулась, не поднимая глаз.

— Какая разница, чего ты хочешь? Ты принц. Твоя сестра — королева. Вы заключили договор с Водной девой тысячу лет назад. Моё «навсегда» — просто ещё одна строчка в *«Писании первых»* с перечнем имён.

Он резко повернулся ко мне. В его глазах — нет, не гнев. Что-то другое. То, что я не умела называть.

— Ты ошибаешься, *Лирия*. — Он подвинулся ближе, и я почувствовала тепло его плеча — такое живое, такое человеческое, что у меня перехватило дыхание. — Я не хотел, чтобы ты приходила. Я присматривался в *Равенсте*, кого могут выбрать в этом году. Услышав, о чём вы говорите, я хотел предупредить вас. Я пытался вас напугать — тебя и ту девушку, *Улью*. Помнишь?

— Помню. — Я наконец подняла взгляд. — Ты сказал, что есть боги, которые пьют красоту, и те, кто ищет душу. И что ложь убивает медленнее.

Он кивнул, и в его лице что-то дрогнуло. Янтарные глаза смотрели на меня без обычной холодной отстранённости — в них была боль. Настоящая, живая боль.

— Я надеялся, что ты испугаешься. Откажешься от *оброка*. Но вы обе оказались такими упрямыми. И такими отчаянными.

— У нас не было выбора, — сказала я тихо.

— Выбор есть всегда. Просто иногда он хуже, чем отсутствие выбора. — Он помолчал, потом спросил: — Ты ненавидишь меня?

Вопрос застал врасплох. Я долго смотрела на его профиль — острые скулы, золотистая кожа, волосы, которые ветер трепал, как сухую траву. Три недели назад я бы сказала «да» не задумываясь. Неделю назад — «нет», потому что боялась. А сейчас

— Я не знаю, — ответила я честно. Голос прозвучал глухо, но не дрожал. — Я ненавижу то, что мне пришлось оставить всю мою жизнь. Но это была сделка. С условиями, где *оброк* существует.

Я замолчала, подбирая слова. Он не торопил. Смотрел куда-то в сторону, на золотистые поля, но я чувствовала, что он ждёт.

— Ты был единственным, кто попытался нас остановить, — сказала я наконец. — Даже если твой способ был странным. Ты мог просто промолчать. Как все.

— Я не умею молчать, когда вижу, что кто-то идёт в про-

пасть, — тихо ответил он. — Особенно когда этот кто-то — девушка, которая могла бы жить своей жизнью, а не становиться пешкой в чужой игре.

— Слишком поздно, — усмехнулась я. — Я уже пешка. Возможно, будь я менее упряма или если бы положение дел дома было хоть на толику лучше. Но это не твоя вина. А моя.

Он горько усмехнулся.

— Знала бы ты, — произнёс он, а затем повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не видела. Не жалость. Не сочувствие. Скорее боль. — *Лирия*, мне действительно жаль, что этот сложный выбор достался тебе.

Я кивнула, сглатывая откуда-то взявшийся комок. Его рука лежала на траве в нескольких сантиметрах от моей. Он сдвинулся ещё на сантиметр ближе, чуть наклоняясь ко мне.

— И не считай себя пешкой. Это не так. Ты важнее, чем сама о себе думаешь.

— Ну, как только я освою всю вашу кухню, сразу повышу о себе самомнение, — я неловко пошутила, вызвав его широкую улыбку.

Его ладонь легла поверх моей. Тёплая, сухая, с длинными пальцами, которые я так хорошо запомнила за эти недели. Он задумчиво посмотрел на наши руки. Большой палец пробежался по моей ладони, задевая свежие мозоли.

— Судя по всему, ножом ты орудуешь уже неплохо. Такие мозоли.

Я слегка улыбнулась, испытывая смущение.

— У вас просто очень плохо режущиеся продукты.

Он засмеялся — искренне, легко, и этот смех отозвался где-то глубоко в груди.

— Жаль твои руки, — сказал он, разглядывая мои пальцы.

— Нужно будет найти для них менее травматичное занятие.

Я покачала головой, но руку не отдернула.

— Мне нравится. К тому же я привыкла к физическому труду. *Герда* никогда не сравнится в щепетильности с моей *Элеонор*. И, наверное, никто на целом свете. Она бы и пятнышка грязи на кухне не смогла бы перенести — и мне бы не дала.

Я улыбнулась, вспоминая строгость сестры. Ту, которую так не любила когда-то. И по которой теперь так болезненно скучала.

Мелантир внимательно смотрел на меня.

— Стоит подумать об этом, — сказал он тихо. — Может, не мозолить глаза тем, что не можешь усовершенствовать?

Я подняла взгляд. В его словах мне послышался намёк, но я не была уверена, что поняла его правильно.

— Если бы у меня был выбор, — ответила я, и голос дрогнул.

Он ничего не сказал. Только сжал мою ладонь чуть крепче.

Мы сидели на пледе, и *Мелантир* всё ещё держал меня за руку, когда я услышала топот копыт. Я обернулась — резко,

словно меня поймали на месте преступления.

По краю поля, прямо по меже между рапсом и пшеницей, ехал всадник. Крупный гнедой конь, дорогое седло с серебряной отделкой, сам всадник — поджарый, с тёмно-русыми волосами, собранными в низкий хвост. Одет просто, но богато: тёмно-синий сюртук, серебряная пряжка на поясе. Уши заострённые, взгляд серо-зелёный, цепкий — такой взгляд бывает у тех, кто привык всё замечать и ничего не забывать.

Он спешил в нескольких шагах от нас, бросил поводья на землю и пошёл прямо к нам.

— *Мелантир*, — сказал он без приветствия, даже не поздоровавшись. — А я тебя везде ищу. Королева отправила

Он запнулся, заметив меня. Его взгляд скользнул по пледу, по остаткам еды, по нашим рукам — *Мелантир* так и не отпустил мою ладонь. Бровь поползла вверх.

— О, — протянул он. — А это, видимо, та самая *обруч-ная*?

Мелантир не торопясь отпустил мою ладонь, но не выказал ни тени смущения. Его лицо оставалось спокойным, почти безразличным.

— *Лирия*, — спокойно представил он. — Это *Велиан*. Мой друг и советник. Не обращай на него внимания, он всегда появляется не вовремя.

Велиан усмехнулся и коротко склонил голову — так, будто бросал мне кость через плечо.

— Приятно познакомиться, — сказал он. В голосе не было

ни тепла, ни холода. Только любопытство. — Наслышан.

Я кивнула, не зная, что ответить. Его взгляд ощупывал меня, как товар на рынке — но без презрения, скорее с профессиональным интересом.

Велиан перевёл взгляд на *Мелантира*, и лицо его стало серьёзным.

— Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Мелантир помедлил, посмотрел на меня. Я понимала, что он спрашивает разрешения — или просто вежливости ради делает вид.

— Я подожду здесь, — сказала я, отводя взгляд к полю. — Собирайся.

Они отошли шагов на пятьдесят — туда, где конь щипал траву, помахивая хвостом. Я видела их фигуры, видела, как *Велиан* говорит что-то резкое, жестикулируя, как *Мелантир* отвечает спокойно, как потом его плечи напрягаются. Но ни одного слова я не разобрала. Ветер дул в другую сторону, да и расстояние было слишком большим.

Я смотрела на золотистые поля и чувствовала, как внутри поднимается глухое раздражение. *Почему он не сказал, чтобы я отошла сама? Почему просто не попросил меня подождать в другом месте?* Но я тут же одёрнула себя: я здесь никто. Служанка. *Оброчная*. Не мне указывать принцу.

Через несколько минут они вернулись. *Велиан* бросил на меня короткий взгляд — такой же цепкий, как и в первый раз, — кивнул *Мелантиру* и уехал, даже не попрощавшись.

Мелантир подошёл ко мне, лицо его снова было спокойным, будто ничего не произошло.

— Пойдём, — сказал он, протягивая руку. — Уже поздно.

— Всё в порядке? — спросила я, игнорируя его жест.

— Всё в порядке, — ответил он слишком ровно. — Не обращай внимания.

Мы вернулись в цитадель, и всю дорогу он молчал. Я шла рядом, смотрела на его профиль — и впервые за долгое время не знала, о чём он думает. И от этого становилось не по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.